

ИНГА КОНДРАТЬЕВА
ДЕВЯТАЯ
КВАРТИРА
В АНТРЕСОЛЯХ

*книга
первая*

12+

Инга Львовна Кондратьева

Девятая квартира в антресолях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23094392

Аннотация

Российская империя, Нижний Новгород, весна 1896 года. Весь город готовится к скорому открытию XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки. Лев Александрович Борцов, успешный и амбициозный архитектор, не имеющий академического образования, служит помощником главного архитектора Нижегородской ярмарки и выполняет частные заказы, одним из которых стал именной выставочный павильон его близкого друга и покровителя Саввы Мимозова – заводчика, миллионщика, главы дружного семейства. Они оба приглашены в Институт благородных девиц, где идут экзаменационные испытания и подготовка к балу. Среди выпускниц – три подруги: Лиза, Нина и Лида. Лиза Полетаева, кружась в выпускном вальсе, ещё не знает, что её отец находится в крайне рискованном финансовом положении, она полна надежд. За стенами ИБД её ждут радости и испытания, трудности и успехи, открытия и разочарования и, конечно же, первая влюблённость. Каким будет первое лето ее взрослой жизни?

Содержание

Инга Кондратьева	4
Весна 1896. Гадалка.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Инга Кондратьева

«Девятая квартира в антресолях»

книга первая

Весна 1896. Гадалка.

На открытой террасе приволжской ресторации в полдень апрельского дня за единственно занятым столиком шумно пили кофе двое молодых мужчин. Ветерок с реки дул прохладный, робкие травинки еле пробивались сквозь вчера только оттаявшую поверхность земли, и, если присмотреться, казалось, вдали еще можно было разглядеть под деревьями чернеющие на солнце остатки лежалого снега. Природа в этом году не торопилась со сменой сезонов, хотя пасхальная неделя миновала еще в прошлом месяце. Официант ежился, уж раз в третий подавая господам мгновенно остывающий кофе, но те как будто не замечали этой мелкой неприятности. Явно не сей бодрящий напиток являлся сейчас основным поводом их нахождения здесь, а само это место в такой близости от дефилирующей публики. Сюртуки они сменили нынче на широкие светлые пиджаки и твердо решили, что весна для них пришла окончательно, что и требовалось про-

демонстрировать гуляющим горожанам. К тому же они кого-то ожидали. Были они полны рвущихся наружу сил, видимо, удачливы в делах и выглядели уверенными в себе до такой степени, что, казалось, весь мир принадлежит им. А если что и не принадлежит пока, то пойдти, возьми и владей безраздельно! Одним из них был помощник архитектора Нижегородской ярмарки Лев Александрович Борцов, вторым – его приятель еще по художественному училищу, сын мебельного фабриканта Антон Николаевич Шульц.

– Вот увидишь, Антуан, сейчас войдет и с порога заведет свою любимую песню: «А переделай-ка мне всё... а-ааа... э-эээ... в мавританском стиле!»

– Это курительная тебе что ли, или вот – кофейня? – Шульц махнул в сторону вновь остывших чашек. – Русский павильон. На русской выставке. Тоже мне, андалузский мориск! Не смей ему поддаваться, ты слишком часто идешь у него на поводу. Ты создал прекрасный русский север – лаконичный, выдержанный. Не вздумай ничего переделывать!

– Да это я так, для примера сказал, – Лев Александрович хоть и говорил про своего знакомого несколько свысока, но тон был вполне доброжелательным. – Ты ведь знаешь, его не стремление к переменам гложет, а необходимость, чтобы все вокруг постоянно крутилось, двигалось. Хоть куда, хоть за чем. Я ж люблю этого тюленя и сто лет как наизусть знаю! Надо просто занять его чем-то другим... Тем более, что времени на переделку все одно не остается – скоро уж комис-

сия. Да и мне мое творение, если честно, ох, как нравится, хоть это и не скромно, брат! Но вот оно уж точно – от первой линии на листе до последней драпировки – все мое. Я теперь так осмелел, брат, что вот тебе скажу – хочу свой особняк построить. Даже наброски уже делал...

– Вот новость-то! – удивленно приподнял брови Шульц. – Да ты их, сколько уже перестроил, что тюленю твоему в Успенском, что еще по России? Штук семь-то уже наберется?

– Не понял ты, Антуан – свой, абсолютно свой, не в паре, не под руководством и не для чужого дяди, – Борцов мечтательно прикрыл глаза. – Самому строить, самому жить, самому и владеть.

– Эх, махнул! Это ж удовольствие не из дешевых, – Антон Николаевич помешивал ложечкой остывший кофе, не пил его, а поглядывал на приятеля. – И, хоть нынешний год может принести нам неплохой куш, для того так и выкладываемся, да пока это только надежды. И не вбухаешь же ты все, что есть за душой, в одно сомнительное предприятие? Если только приданое богатое взять! – подтрунивая над другом, Шульц, прищурившись, улыбнулся.

– Фи, жениться... Да еще и на приданом. Экий mauvais ton. И что сомнительного ты видишь в моем проекте? – Лев Александрович глаза открыл и смотрел теперь на Шульца пытливо. – Ты не веришь в своего друга?!

– Да и не разорваться же тебе! – развел руками тот. –

Ведь домом-то управлять надобно, истопники там всякие, горничные, дворники... Жениться, срочно жениться! Ты ж свои чертежи-картинки на это никогда не променяешь! Не проект – прожект! Прожектер, ты, брат! Да и не видел я что-то домовладельцев моложе лет этак пятидесяти, а ты хоть и не мальчик уже...

– Не мальчик, не мальчик. Но – муж! – прогрохотало вдруг от входа.

В проеме арки стоял огромный дядька в тройке и цилиндре, полотняные занавеси хлопали у него за спиной на ветру и был похож он то ли действительно на тюленя, у которого внезапно выросли крылья, и он только пробует взлететь, не зная толком, как ими пользоваться. То ли просто на располневшего и подобревшего Мефистофеля.

– Савва, и ты туда же! – притворно застонал Лев Александрович. – Пощади! Двоих вас я не выдержу, уймите свои матримониальные намерения на мой счет! Хотя бы на сегодня.

– А что за... э-ээ... планы вы тут, друзья мои, строите? Да без меня?! – пророкотал, усаживаясь за столик, известный заводчик, по настроению – меценат, а нынче еще и член Особой комиссии по устройению вышеупомянутой Выставки Савва Мимозов.

– Да разве без Вас что обходится, Савва Борисович! – без тени былого скепсиса отозвался Антон Шульц, – Просто Левушка своими мечтами делился, спросите его, Вам он рас-

скажет!

– Мечты?! Барышня? Украдем! В ковер завернем и в горы ускорим! Кто такая?

– Уймись, Савва, я же просил, – Лев Александрович приготовился повторить свой рассказ. – Я как никогда серьезен, и намерен через годик-другой стать домовладельцем, как ты на это смотришь?

– Добро пожаловать в наши ряды обывателей! Денег дам сколько надо.

– Нисколько не надо, Савва, – Лев Александрович сделался строг. – Ни копейки чужой на этот проект не возьму – все сам хочу, с нуля! Вот за любой приработок благодарен буду.

– Гордыня – оно... Да-ааа... – Мимозов посмотрел было на Шульца, но тут же вернулся взглядом ко Льву Александровичу. – Ну, да ладно, как знаешь. Приработок говоришь? Ага-ааа... А переделай-ка ты мне...

Оба приятеля, переглянувшись, неприлично расхохотались.

– Нет, Савва, и не продолжай, – прервал друга вновь повеселевший Борцов. – Городок сдан, строительные работы завершены, начат завоз экспонатов. Забудь и не возвращайся, лучшее – враг хорошего.

– Ходил я сегодня... Бродил... Э-ээээ... – задумчиво вспоминал Савва Борисович. – Постройки разные, именные тоже, рассматривал... Может, Левушка, все-таки побогаче надо было? Если в мой павильон посетитель не пойдет, я ж

сквозь землю провалюсь, ей-богу! Прямо там, в пустом павильоне, и ухну. Больше всего на свете боюсь быть смешным.

– Да полно Вам, Савва Борисович, Бога-то гневить! – всплеснул руками Антон Николаевич. – Смешным! Не родился еще тот человек, который рискнет над Саввой Мимозовым посмеяться. Я сам перед Вами, если честно, робею. А павильон у Вас великолепный! Теперь главное – чем наполнить, да чем подманить. И, знаете ли, совсем рядом сам Шухов свой гиперболоид пожелал ставить?

– Антоша, милый... – Савва прижал ладонь к груди, замерев.

– Не робей, Антуан! – Лёва откинулся на спинку стула. – Савва добрейшей души человек, только громopodobный слишком. А у тебя, Савва, все сомнения от твоей опереточной фамилии. Смени ее, купи себе новую, ты же все купить можешь!

– Ты прости, Лев-Саньч, но ты иногда черт знает, что такое говоришь! – Савва стал на глазах багроветь и звука в голосе еще прибавил. – Купить фамилию! Род мой, значит, продать, а буковки на вывеску – купить. Да еще мой прадед, Степан Мимозов, Нижний посад вместе с Бетанкуром после пожара отстраивал. За что удостоен был его личной благодарности и дворянского звания! А дед мой...

– Ну, тихо, тихо, Савва, ну, не прав я! Прости дурака! Не бушуй, выпей-ка с нами кофейку лучше, – и Лев Александрович соорудил приглашающий жест, в сторону колышу-

щихся портьер. Официант подлетел мигом. – Любезный, давай нам погорячей сделай. И, может, поедим чего, господа?

– А мне, голубчик, принеси коньячку с николашечкой. Ээээ... Самую малость! – гудел Мимозов. – А то у вас тут на ветерке, прямо, до костей пронизало меня. А обедать я вас, господа, в Пароходство приглашаю, у меня там сегодня попечители соберутся, да это не надолго... А часика в три и отобедаем. Нет, Левушка, не все купить можно, – отпустив расторопного официанта, уже как бы и с сожалением продолжил быстро остывающий Савва, – Вот Мерцалов-то мне свою пальму не дает. Ни за какие посулы не дает! «Концепция» у них, говорит... Какая концепция? Пальма она и есть пальма, даром только, что железная! А красиво же, видать, будет!

– Не железная, Савва, а стальная, – поправил его Борцов. – Ты-то какое отношение к рельсовому производству имеешь? Правильно тебе Алексей Иванович про концепцию объяснил, а ты всё выдернуть норовишь, что понравится. Поверхностно глядишь, без смысла. «Красиво». Суть-то в другом.

– Цыц мне тут! Учить меня еще будешь! – хлопнул ладонью по столу Савва. – Никакого уважения, распустил я тебя, Левка, до непозволительности! Я ж тебя насколько старше, а ты вот целый день меня перебиваешь, договорить не даешь! Про деда не дал досказать! Про переделку не дал досказать! Да и не про павильон я хотел говорить, а про московский дом вовсе речь шла... Ты ж у нас не только архитектор вели-

кий, но и декоратор от Бога! А-ааа... То-то вот... Ты бы не взялся, Левушка, угловой кабинет обратно в детскую переделать? Там светло, там окошечки... У меня, понимаете ли, господа, э-эээ... Феврония Киприяновна-то моя снова вроде... того...

– Ах, молодца! Неугомонные вы, Савва! Поздравляю. В какой колер будем оформлять?

– Эх, Левушка! Хотелось бы в небесный конечно, да грех загадывать. Как Бог решит, а нам и так, и так хорошо. Э-эээ... – Савва заглядывал другу в глаза. – А ты можешь тоже так сделать, чтобы и так, и так пришлось?

У четы Мимозовых было пять дочек. Младшей из них шел нынче уже седьмой годок. Папаша надышаться на своих девочек не мог, но все знали, как в глубине души Савве хотелось наследника. И вот, немолодым уже родителям, выпадал еще один счастливый, но, быть может и последний шанс.

– Не надоело Вам, Савва Борисович, между двумя городами разрываться? Перевозили бы сюда семейство, сами ж говорите – здесь корни Ваши, вотчина, – подал голос Шульц.

– Да нет, поздно уж, Антон Николаевич, – задумавшись, было, отвечал Савва. – У меня в Москве, как это говорится... Э-эээ... Гнездо! Да моя сюда и не поедет, не любит она наш город, «суета» говорит, «торгаши»... Да и столицу не жалует, все норовит побыстрее домой... Там покойно, чинно... А вот как тебе, Левушка, удастся из Нижнего вырваться? Ведь выставка-то до глубокой осени пробудет, а у тебя

еще и ярмарочные все дела...

– Да полно, Савва! Я твой дом столько раз переделывал – как облупленный каждый аршин знаю, – Лев Александрович рассуждал, наблюдая, как Мимозов неторопливо опрокинул в себя рюмку коньяку и теперь, смакуя, выбирает с блюда тонкий кружок лимона, густо посыпанный кофейным порошком и сахарным песком, готовясь отправить оный вослед за ней. – Да и старые планы у меня в делах где-нибудь отыщутся... Мы все прямо здесь – нарисуем, согласуем, ткани закажем по каталогам. С мебелью вон Антоша подскажет. А самой работы-то там на недельку. Пока твои на даче будут, все успеем. К августу-то я точно здесь управлюсь. До августа-то время ждет?

– Ждет, голубчик, ждет. А, может, и пораньше вырвемся? Вместе, а? Если на недельку-то всего? У меня ж теперь вагон свой, прицепной, все как дома там... С комфортом поедем! Подумай. Ну что, двинемся, господа?

На ходу пронизывающий речной ветер стал еще более отчетливым, но приятели упрямо продолжали променады.

– А как ваше семейство, Антон Николаевич, поживает? – поинтересовался Савва Борисович, не без умысла продолжая патриархальную тему.

– Да вроде, всё «слава Богу», благодарю! У Катюши на днях третий зубик прорезался.

– Согласитесь, батенька, что семейные заботы меняют отношение мужчины к жизни. Не только ответственность вы-

растает, но и сил как будто прибавляется? – Савва шел по-середине и оглядывал своих спутников попеременно. – Вот я Вас лет пять назад помню – такой же, прости господи, свистун были как Лев-Саньч нынче. А сейчас любо-дорого посмотреть, и глаза светятся, как про дочку рассказываете.

– Не могу спорить! Радость великая, – отвечал Шульц. – Отношение – не скажу, не задумывался, но вот осмысленности точно прибавилось, хотя и не все так гладко... Да я ж не просто так Вас допытывал, Савва Борисович, я ж сам между Нижним и Москвой болтаюсь. Семья-то у меня тут, а фабрика и все производства у батюшки, в Москве. Вот думаем о расширении, возможно к осени филиал здесь откроем.

– Вот-вот! Я и говорю, что дети – они все в этой жизни вперед двигают. А, Лева?

– Агитируйте, агитируйте! – ухмылялся Борцов. – Я – кремень.

– Я к тому веду, Лева, что, может, ты мне компанию составишь? Антону Николаевичу не предлагаю, он человек семейный, – лишь сейчас вспомнил о чем-то Мимозов. – Мне нынче в Пароходство попечители приглашения на две персоны доставят. В Мариинском Институте благородных девиц выпускной бал намечается. Ты же танцуешь, Левушка?

– Савва! А уж к девицам-то, каким ветром тебя прибило?! – Лева даже всплеснул руками и сделал несколько шагов задом-на-перед, глядя на Мимозова.

– Левушка, так я ж в Попечительский совет вхожу, а в

этом году мы еще и по линии Выставки пересекались – Институт-то тоже в своем павильоне участие принимает. Весь город живет этой Выставкой!

У Мариинского Института благородных девиц уже был опыт участия в выставках, и опыт удачный – медаль и диплом три года назад на Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго. А буквально через месяц и родной Нижний Новгород должен был присоединиться к веренице «выставочных» российских городов и пополнить список, состоящий из Москвы, Санкт-Петербурга и Варшавы. Когда-то проведение подобных выставок было регулярным, но потом страна погрузилась в бурное развитие капитализма и достижения свои показывать стала реже, но зато каждый раз всё с большим размахом. И вот в условиях, когда надо было осваивать новые рынки, возвращать европейский интерес к «русскому хлебу», стимулировать появление новых товаров и внедрять современные технологии, необходимость подобной демонстрации назрела. По высочайшему повелению государя Александра III было выбрано место для проведения XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки и приуроченного к ней Промышленного съезда. Новый император, Николай II, это начинание поддержал финансово, и всего за пару лет город преобразился на глазах. Огромный выставочный городок примкнул к Нижегородской ярмарке, был пущен первый электрический трамвай, а верхнюю и нижнюю части города связали фуникулеры, которые

жители города стали называть «элеваторами».

У Саввы, как и у многих состоятельных промышленников, в выставочном городке был устроен личный именной павильон. В нем он предполагал демонстрировать достижения всех предприятий, в которых так или иначе принимал участие или которым покровительствовал. Именно обустройством того самого павильона и занимался Лев Александрович последние месяцы, совмещая это со своей постоянной службой на ярмарке. И вот сегодня всплыла еще одна сторона Саввиной обширной деятельности, хотя Лева считал, что уже многое знает про своего близкого друга – попечительство в девичьем учебном заведении.

– Ну, в этом я тебе не откажу, Савва, – Лев Александрович вновь развернулся по ходу движения и поежился. – Тем более, что там, наверно, весь городской свет соберется на свое будущее полюбоваться? Надо воспользоваться случаем весь цветник разом увидеть, да и знакомства на будущее завести. Бр-ррррр! Холод-то какой! Все, Антон, хватить форсить. Поехали по домам переодеваться к обеду.

И они стали оглядываться в поисках извозчика.

Утро понедельника тянулось невыносимо долго. Завершено было огромное, двухгодичное дело, комиссия приняла все постройки выставочного городка и оставалось только ждать открытия. Вернулись времена повседневной рутины. И, как иногда бывает в таких случаях, наступила опустошенность.

Непосредственный начальник Льва Александровича по ярмарке, заметив такое состояние, еще в пятницу отпустил его на неопределенное время со словами: «Отдыхайте, отдыхайте, голубчик. Набирайтесь сил. Это надо же – такое детище подняли! Ничего срочного. Если что, я Вас посыльным вызову». И вот у Льва Александровича образовалось нечто вроде непредвиденных каникул. Эх, знал бы, уехал с Саввой в Москву! Выходные прошли кое-как, а на неделе стало совсем паршиво. Организм Льва Александровича, видимо, за это время привык куда-то все время спешить, о чем-то договариваться, ругаться с рабочими, что-то доказывать, делать самому, переделывать за другими, радоваться, что получилось, просить, умолять, снова ругаться... И вот теперь, остановившись в движении, отвечал на все полной апатией. Сама мысль о неотъемлемых, в обычное время, атрибутах существования – листочке бумаги с карандашом – сейчас вызвала зевоту.

Савва с неделю как уехал на коронационные торжества, и, хотя официальная процедура состоялась, но балы и приемы продолжались, и неизвестно было, вернулся он уже в Нижний или нет. Можно, конечно, было напрямик направиться к нему в дом, но... Но! У мягкого и добродушного Саввы была одна особенность, которая в первое время их знакомства приносила Льву Александровичу нешуточные страдания. У Саввы всегда бывало не меньше трех крупных дел одновременно, несколько дел поменьше, огромное количе-

ство попечительских и членских обязанностей, море назначенных встреч и немеряно различных просьб и поручений. Но он никогда не занимался всем этим сразу! Особенно, когда дело было связано с другими людьми непосредственно.

Как-то раз Борцов зашел к нему, видимо, в момент обсуждения некоего проекта. Там присутствовало еще человек пять, но все они молча рассматривали бумаги и чертежи, разложенные на большом столе. Лева поздоровался и хотел выложить Савве то, с чем собственно к нему и шел. Тот холодно кивнул в ответ, как чужому. Когда Лева попытался продолжить рассказ, то впервые увидел этот холодный и страшный в своей неожиданности взгляд. Савва смотрел «сквозь» него, как если бы он вдруг сделался стеклянным и, как будто, совершенно не узнавал. Лев Александрович еще потоптался, как провинившийся писарь на ковре у начальства, и вынужден был ретироваться.

Потом он еще пару раз попадал в «унизительное положение просителя, которого пущать было не велено», как он потом Савве же и высказывал. Самое смешное, что через день, или в этот же, а то и всего часом позже, Савва являлся к нему, как ни в чем не бывало, и ничего о случившемся не помня. Лева вначале не верил, сильно обижался, пока сей «стеклянный» взгляд не поймал на ком-то из домочадцев Саввы, вошедших в кабинет в разгар их делового спора. С тех пор он понял, что степень концентрации на предмете, которым он в данный момент заинтересован, у Саввы настоль-

ко высока, что на все остальное ничего просто не остается. И тот человек, которым Савва сейчас занят, может быть уверен, что тот занимается им не просто всерьез, а всеми силами ума и души. Он все простил старшему другу, но с тех пор в подобное положение старался не попадать. Лева или ждал, когда Савва сам соизволит нанести ему визит, или пользовался небольшой хитростью. Он вычислял предположительное место пребывания друга и «причаливал» к нему где-нибудь в людном месте, чтобы потом уже весь день перемещаться вместе с ним и не опасаться более стать «инородным телом». Если они находились в одном городе, то долго друг без друга существовать не могли.

А начиналось все так. Талантливого ученика отметил для себя меценатствующий в московских кругах Мимозов еще на отчетной выставке художественного Училища, присмотрелся. К третьему курсу Академии они, несмотря на разницу в возрасте и пребывание в разных городах, всю уже приятельствовали. Старший во многом помогал младшему, следил за его успехами, гасил частые вспышки характера и нередко поддерживал материально. Матушка Льва к тому времени уже давно почила, а отца он навещал редко, и, казалось, основательно подзабыл со времени отъезда на учебу. Но, когда в середине зимы пришло известие о его кончине, то переживал неожиданно сильно, с похорон вернулся подавленный, и с тех пор Савва взялся опекать его еще пуще, если не по-отцовски, то, как старший брат, и вскоре

отношения их стали практически родственными.

Через два месяца Лева со скандалом бросил Академию, и как Савва его не уговаривал: «Подумай! Смирись...», решения своего не изменил: «Нет, Савва! Зачем было три года развивать фантазию, учить смелости мышления, чтобы вот сейчас, когда уже есть мастерство в руках, начинать обрубать их потому, видите ли, что этак не делают, а то с тем не сочетается! Не буду я «как надо» ничего делать. Мне самому так не надо, ты понимаешь?!» Савва помог с заказами, нашел партнеров и наставников, и открыл архитектурную контору на свое имя. Лев Александрович начал собственную деятельность в свободном полете, и пять лет назад, уже безо всякой протекции, а только своими заслугами получил почетное место помощника архитектора на постоянно действующей Ярмарке и теперь проживал в Нижнем Новгороде.

А утро понедельника никак не кончалось. Занять себя было абсолютно нечем. Даже газеты выйдут только завтра. Лев Александрович поворошил разбросанные на столе бумаги, и заметил среди них давешнее приглашение. Он решил уточнить число, на которое назначен бал, потому как там Савва уж точно объявится. Витиеватого текста оказалось, к удивлению, более ожидаемого и, отыскивая заветную цифирь, Лев Александрович невольно ознакомился с тем, что «...родители, опекуны, попечители... и прочие заинтересованные персоны приглашаются на открытые испытания учениц выпускного класса... и по их итогам состоится... выпускной бал с

вручением... 25 мая сего года...». Заинтересованная персона вчиталась внимательнее:

«7 мая – Чистописание, Русская словесность

8 мая – Французский язык

9 мая – Немецкий язык

10 мая – История

13 мая – География

15 мая – Арифметика

16 мая – Физика

17 мая – Естествознание

20 мая – Музыка, Пение, Гимнастика «Сокол»

21 мая – Рисование

22 мая – Закон Божий.

Все испытания начинаются ровно в полдень, за полчаса до означенного времени доступ в Институт закрывается до их окончания».

Возможность приема экзаменов на публике оказалось для Лёвы и его хандры как нельзя кстати. Часы совсем недавно отбили десять. И сегодня было двадцатое. На «Закон божий» Лев Александрович вряд ли бы польстился, а посмотреть на музицирующих барышень всегда приятно. «К тому же я могу там встретить Савву!» – сказал он отступающей уже апатии, и та поверила, закружилась вместе с пылинками в косом луче солнца, падающим сквозь кисею занавесок, и растворилась в нём без остатка.

Часть Большого зала на первом этаже Института была отделена внутренней колоннадой. Именно под ней было отведено место для экзаменационной комиссии и приглашенных лиц. В первых рядах замерли в ожидании пустующие пока что кресла, в центре выделялись два особо роскошных и вместительных. Лева почему-то подумалось, что одно из них может предназначаться именно его солидному другу, но выяснить это было не у кого, публика только начала собираться и пока ни одного знакомого лица среди прибывших не обозначилось. Лева пробрался поближе к окнам, в последний ряд, где были расставлены простые стулья. Он занял крайнее от прохода место прямо у стены, и, откинувшись на спинку, начал наблюдать.

Народу постепенно прибывало. Родители, которых безошибочно можно было узнать по легкому волнению, составляли не самую большую часть присутствующих. Одна семья и несколько дам привели с собой девочек лет десяти-двенадцати. Вряд ли сразу все они доводились младшими сестрами нынешним выпускницам. Еще несколько дам пришли вовсе без девочек, сами по себе, но устроились в первых рядах с выражением на лицах: «Ну, посмотрим, посмотрим...». Возможно, родители просто заранее выбирали учебное заведение для своих дочерей и таким вот образом знакомились с манерой обучения. Или присматривали домашних учительниц из числа выпускаемых. Льву Александровичу вдруг пришло в голову, что все происходящее неуловимо напоминает

зал суда. Раз уж так, то чтобы сходство было полнее, он достал блокнот и стал делать карандашные зарисовки.

Вот, чуть левее от него, опираясь на трость, сидит благообразный старик, чем-то напоминающий писателя Тургенева с портрета Ильи Ефимовича Репина, так называемого «второго неудачного». Благородные черты лица, на них налет озабоченности... Прорисовывая падающую на лоб седую прядь, Лева взгляделся чуть внимательнее в свою модель: «А, может, не такой он и старик?» Вот некий военный чин озирается в поисках свободного места, а вот обменивается приветствиями с дамами «первого ряда» необыкновенной красоты и грации женщина с темными миндалевидными глазами. «А это уже Тропинин, портрет неизвестной тифлиски» – глядя на нее, продолжил Лева сравнения с полотнами именитых мастеров. Неожиданно, почти над самым его ухом, прозвучало:

– Вы позволите? Лев Александрович, если не изменяет память? – это военный определился с местом дислокации и указывал на свободный стул по правую руку от Левы.

– Да, здесь не занято, прошу, – привстал Лева. – Но может Вам лучше поближе к действию, ведь Вы, кажется...

– Так точно! Родитель. Генерал-майор Императорской армии, командир Волынского лейб-гвардии пехотного полка Осип Иванович Горбатов. На прошлогоднем Рождестве у губернатора имел честь соседствовать за обедом и беседовать на различные темы, если припомните.

– Как же, как же, – припомнил Борцов. – Вы тогда еще выражали сомнения в возможности исполнения Указа его Императорского величества об устройении всероссийской Выставки!

– Помилуйте, Лев Александрович, я военный человек! Как я могу усомниться в выполнении Указов... самого! – генерал несколько раз тыкнул указательным пальцем куда-то в потолок, – Я в сроках сомневался, считал их недостаточными для наших нерасторопных людишек!

– Так вот, можете поздравить одного из этих людишек, Ваше превосходительство, – обозначил полушутливый поклон Борцов. – Все завершено в срок и государственной комиссией принято!

– Ей-богу, с Вами как на пороховой бочке, молодой человек, все слова мои с ног на голову переворачиваете, – генерал даже покачал головой. – Не Вас же я, право слово, «людишкой-то»... В мыслях не было. Я про народец наш! Ну не турки же Вам, прости-господи, само строительство-то вели? То-то! А наш мужик только батога и понимает. Темен, ленив, вечно не соорудить, а навредить норовит. Все только из-под палки. Исключительно муштрой и дисциплиной можно хоть чего-то от него добиться. Никчемный народец!

Генерал-майор вовсе не утруждал себя хоть каким-то снижением тона по отношению к своему привычному, то есть командному, «да что б в конце шеренги было ясно!». О его суждениях вынужденно были оповещены, наверно, все си-

дящие в зале. Лев Александрович каким-то неуловимым образом – по напряженной спине, по косому острому взгляду в пол-оборота, брошенному в сторону Горбатова – понял, что седому старику этот разговор крайне неприятен. Так как и ему самому тоже была противна беседа в таком тоне с вечно всем и вся недовольным генералишкой, то он сначала взмолился про себя, чтобы скорей уж начинали что ли! Но тут же сидеть с клокотавшим внутри негодованием показалось горячему Льву Александровичу недостойно и трусливо, и он решил разом все прекратить:

– Вы, генерал, неправы в корне, – вполголоса, но очень твердо парировал Борцов. – Вам возможно просто «везет» на встречи с людьми порочными, но уж что к чему притягивается, простите. А я простого люда повидал! И нынче, здесь, и прежде по матушке-России немало строил. Да, в массе своей не образован мужик, даже неграмотен, но какая мудрость в любом из них сидит... Природный ум, смекалка! А что до вредительства, то тут уж позвольте. Возможно, пока он не понимает, зачем затея барская, то и будет бездумно топорешком-то тюкать, да то не его ж вина! Ты объясни задумку, сделай его соучастником. Если мужик нутром зацепится, то преданней и верней работника не найти! Все сделает, наизнанку вывернется, а что б как лучше. Что бы в срок.

– «Объяснить задумку», ну, Вы шутник, Лев Александрович! Кому?! – непробиваемый Горбатов не обиделся, а искренне расчихикался до слезы в углу глаз.

Лева решил переменить тактику:

– А Вы, так и не объяснили, Осип Иванович, почему в аррьергарде решили отсидеться? Думаю, для такого чина и в первых рядах место отыскалось бы?

Генерал-майор охотно заглотив наживку и сменил направление удара.

– Да уж сиживал на днях, благодарствуйте! Я там, господин хороший, себя как на сковороде чувствую. Дамочки эти! Над каждым словом при них подумай, прежде чем сказать, а то всё «Пфуй!» да «Фи!». Платком нос прикрывают, как будто от меня конюшной тянет. А от самих прёт, как от цветника! Я там даже чихать взялся, – пожаловался генерал. – А сами свои платочки еще постоянно и уронить норовят, нагнись-подними! Я к концу экзаменации, аж взопрел весь!

Лева уж был не рад перемене темы, потому как теперь напряглись спины всего первого ряда. Но тут, видимо, его молитвы были услышаны, парадные двери зала отворились и вошли две дамы, проследовавшие к тем самым «главным» креслам. Да, Саввы скорей всего, сегодня уже не будет. Действие началось.

Одна из вошедших последними дам оказалась начальницей Института, она произнесла, обратившись к собравшимся, небольшую, предваряющую испытания речь и обозначила порядок их проведения. Сначала экзаменационной комиссии и господам родителям будут продемонстрированы музыкальные достижения выпускниц, затем небольшая пау-

за, во время которой ученицы должны сменить цивильную институтскую форму на гимнастическую. Во время этого перерыва ученицам старшего класса разрешены непродолжительные свидания с пришедшими поддержать их родственниками. Но после второй, подвижной, части экзамена девочки сразу же проследуют в свои дортуары.

– Откроет сегодняшнее музыкальное испытание ученица выпускного класса, одна из претенденток на шифр, Лиза Полетаева.

К роялю вышла небольшого роста, можно сказать миниатюрная, одетая в форменное платье институтки барышня с серьезным взглядом и, неожиданно глубоким и сильным голосом объявила: «Рахманинов. Элегия». Играла она легко, уверенно и как-то очень по-взрослому. Само выбранное произведение предполагало, если и не опыт души человека зрелого, то, по крайней мере, уровень переживаний, стремящийся к его музыкальной сложности. Звучание, выходявшее из-под пальцев этой девушки, было объемным, волнующим, совсем не поверхностным и с отголоском какой-то тайной тревоги.

Когда музыка оборвалась, то Лев Александрович пожалел, что не запомнил имени исполнительницы. Но его сожаления вскоре были развеяны, потому что сероглазая институтка с пепельной косой еще не раз появлялась за время этого импровизированного концерта – то, как аккомпаниатор, то в паре с другими экзаменующимися. Никто из них не

достиг такого уровня фортепианной игры. Одна из девушек виртуозно играла на арфе, другая прилично владела скрипкой, видимо, все трое занимались по индивидуальным программам. Но кто бы из институток ни садился в этот день за рояль, разница между мастерством Лизы и их ученической игрой была заметна даже дилетанту. Потом выпускницы пели хором, а крепенькая кудрявая шатенка исполнила еще и пару салонных романсов, что говорило о широте взглядов либо начальницы, либо главного Попечителя Института. И вот объявили перерыв.

Публика разбрелась по первому этажу Института, некоторые вышли в коридор, а из учениц кто-то удалялся на переодевание, а кто-то подходил к своим знакомым в зале. Кудрявая исполнительница романсов бросилась, как показалась Лёве, прямо по направлению к нему, умело обходя все препятствия на пути. Он только успел округлить глаза от изумления, как та уже оказалась на коленях у сидящего рядом генерал-майора со словами:

– Папка, ты не уехал еще? Какой молодец! Чмок! – она поцеловала отца куда-то в район макушки, – Папка, ты так не уезжай! Ты оставь нам денежек, мне теперь надо в свет выходить, весь гардероб обновлять, я теперь барышня, папка. А тётка, сам знаешь, какая! Она копейки лишней не даст, говорит, скажите спасибо что кормлю и терплю вас с братцем. А ты мне на выпускной бал наряд приготовил, я ж просила?

– Дочка, может, обсудим это потом? – генерал заерзал было, но утих под тяжестью дочурки.

– Когда потом, папа? – видимо, у Горбатовых было семейной традицией обсуждать свои проблемы во всеуслышание, – До бала осталось меньше недели! Ты что, не купил ничего? Ну вот! Теперь уже не успеть! Я тебе говорила, что в Петербурге надо заказывать. А лучше – в Париже!

– Танечка! Ну, какой Париж, – генерал понял, что оправдывается и попытался перейти в наступление: – И, кстати, тетушка твоя верно говорит, что мы проплатили уже и ткани, и фасоны – всё в оплату обучения включено, вы же по рукоделию выпускным платьем должны были год завершать.

– Папа, ты издеваешься? – дочка отстранилась на длину вытянутых рук, упершись ими в грудь родителя. – Своими руками пошитое из журналов или от известной модистки по последнему писку платье, есть разница?! Куда в своем выйдешь?! Мне, папа, замуж надо. Я не собираюсь у тетки заперти всю жизнь сидеть. Или прикажешь к тебе под крыло – в полк, в Варшаву?

– Деточка, а тебе не пора пойти, переодеться, уже скоро время выйдет?

– Ничего, без меня не начнут. Не увиливай, папка!

Папке, видимо, в этот момент пришла какая-то светлая мысль в лысеющую голову, и он, словно опомнившись, мягко спихнул великовозрастную дочурку с коленей и встал сам:

– Разрешите представить Вам, Лев Александрович, мою

дочь. Татьяна Осиповна Горбатова. А это мой... давнишний приятель, весьма известный в нашем городе архитектор – Лев Александрович Борцов, прошу любить и жаловать.

– Очень приятно, – жеманно присела в книксене кудрявая дочь генерала и так не по-детски стрельнула во Льва Александровича глазами, что тот испугался, что прямо из Института будет вынужден сегодня отправиться под венец. Он едва прикоснулся пальцами к протянутой ему ладошке, ответил, что и ему тоже очень приятно, и в этот момент произошло чудо. В распахнувшиеся двери зала входил с огромной коробкой в руках не кто иной, как Савва Борисович собственной персоной. Лёва поспешно извинился перед Горбатовыми и кинулся к Савве как к спасению. Тот может и удивился Лёвиному здесь присутствию, но виду не подал, видимо ему было не до того. Савва был так чем-то расстроен, хотя и тщательно пытался скрыть это, улыбаясь знакомым в зале, что Лев Александрович заметил его настрой и, не задавая вопросов, взял протянутую ему другом коробку:

– Лева, пристрой ее пока где-нибудь к стеночке, чтобы в глаза не бросалась.

Лев Александрович обернулся и увидел, что генеральская дочка наконец-то вынуждена была покинуть папеньку, так как переодетых институток в зале становилось все больше. Он отошел к стене и задвинул длинную коробку под стулья – свой и генерала.

– Не помешает, господин генерал? Вы извините, не могу

с Вами разговор поддержать, тут мой близкий товарищ из Москвы только прибыл, у меня к нему небольшое дело.

– Помилуйте, батенька! Конечно, конечно, – махнув рукой, ответил генерал и Лева обернулся обратно к Савве.

– Савва, что-то случилось? На тебе лица нету.

– Случилось, Левушка. Но всё потом давай, после того как девочки разойдутся, не при них, – озирался по сторонам Савва. – У меня еще и к двоим родителям тут дела, надо бы отыскать их. Одно-то житейское, а вот второе... Ох, дай, Господи, сил! А-аааа, вот как раз и мой компаньон, знакомы ли вы, Лева?

Савва улыбался навстречу давешнему седому старику, который сейчас возвращался занять свое место в зрительном зале. Сопровождала его, так отличившаяся в первом отделении экзамена, девушка Лиза, которую Лев Александрович уже хорошо запомнил. Теперь на ней было темно-серое легкое форменное гимнастическое платье чуть ниже колен, белый воротничок, плотные чулки и на ногах тряпичные прионельки. Волосы были плотно собраны в тугую прическу, а линию талии подчеркивал белый поясик. Она посмотрела на ожидающих мужчин и тактично спросила у своего спутника:

– Ну, я пойду, папа?

«Так он ей отец? А я бы подумал, что...», – Лева всматривался в лицо седого господина и всё больше убеждался в ошибочной оценке его настоящего возраста.

– Не уходи, Лизонька! – удержал ее Савва, – Боже, как вы-

росла! Поздравляю тебя, девочка, с окончанием Института. Как проходят экзамены? – отец с дочерью подошли к ним поближе, – Ах, да, простите, вы, видимо, не знакомы? Позвольте представить вам моего друга Льва Александровича Борцова. Лева, а это Андрей Григорьевич Полетаев, председатель правления Товарищества, где я имею честь состоять пайщиком и его дочь, Елизавета Андреевна.

Полетаев и Борцов пожали друг другу руки. Лиза присела в обязательном реверансе, но после тоже протянула Льву Александровичу руку. Ее рукопожатие было похоже на отцовское, такое же короткое и крепкое.

– Вы замечательно играли сегодня! – с чувством сказал Лева, и Лиза поняла, что это не дежурный комплимент.

– Благодарю Вас, я просто очень люблю играть с детства, это одно из самых любимых моих занятий.

– Мама посадила ее за инструмент, когда Лизе не было еще и трех лет, и сама учила ее вначале, – Андрей Григорьевич поправил невидимый беспорядок в волосах дочери, хотя прическа была идеальная.

– Ваша супруга, наверно, обладает еще большим талантом, если столько смогла передать дочери, Елизавета Андреевна играла сегодня с глубоким чувством! – Лев Александрович не скрывал своего восхищения.

– Да, у нее были выдающиеся способности, у Лизы это наследственное. Жена моя умерла шесть лет назад. Мы с Лизой теперь вдвоём, – Полетаев приобнял дочку за плечи.

– Простите за бестактность, я не знал, – растерялся Лев Александрович.

– О маме у меня очень светлые воспоминания, не извиняйтесь – вступилась Лиза и обратилась уже к Савве. – Спасибо, Савва Борисович, все хорошо пока, хотя завтрашний рисунок я не сдам скорей всего, и плакал мой шифр, – она вздохнула и улыбнулась. – А как поживают ваши девочки?

– Все семейство шлет тебе приветы, а Аринушка велела целовать! – и Савва на правах давнего знакомого семьи расцеловал Лизу в обе щеки. – Ну, беги, у вас уже начнется, наверно, скоро. Эх, мне бы с вашей начальницей переговорить, да что это за дама с ней? Я не представлен.

– Да что Вы, Савва Борисович! – Лиза всплеснула руками. – Это же сама Матильда Карловна! У нас все девочки ее просто обожают. Она нам напутствие говорить будет.

– Дружочек, мне неудобно к ним подойти, ты не могла бы попросить Аделаиду Аркадьевну после экзамена задержать госпожу Оленину и принять нас вместе у нее в кабинете?

Лиза на прощание поцеловала отца, присела в поклоне и направилась к своей начальнице. Та выслушала всё, что передала ей ученица и, обернувшись, наклоном головы дала Савве Борисовичу знак, что его просьба принята. Вместе с ней обернулась и ее соседка, дама средних лет, но с великолепной фигурой и какой-то природной грацией.

– Матильда Узвицкая, первая помощница своего супруга. Удивительная женщина, не слышали? – Полетаев тихим голо-

сом, чтобы не привлекать излишнего внимания, делился своими познаниями с несколькими знакомыми, оказавшимися рядом с ним. – Говорят, она как личный секретарь на слух и по памяти все его книги записывает, чтобы потом издать. Я, господа, обо всем этом наслышан из переписки с профессором Лесгафтом . Помимо основного предмета, затрагивающего хирургическое направление глубоких познаний профессора, мы, конечно же, касаемся и других интересующих нас материй. А он, как вы помните, и создал первую в нашей стране системную программу по физическому воспитанию в учебных заведениях. В этом году курсы преподавателей открывает. Конечно, все подлежит развитию, изменениям и усовершенствованию. Главное, чтобы сохранился главный его принцип – не механическое повторение, а осмысленное единение физического и духовного развития личности. И, слава Богу, есть люди, продвигающие и исследующие различные системы физических упражнений. И полковник Узвицкий очень занятой человек, времени на самостоятельное написание не имеет, много разъезжает по миру – он ведь адъютант самого Бутовского .

– Не тот ли это генерал Бутовский, что вместе с французом де Кубертенем , вдохновившись эллинскими античными состязаниями, способствовал возрождению Олимпийских игр современности? – уточнил один из собеседников, – Ведь они, кажется, все-таки состоялись этой весной ?

– Прости, Господи! Генерал от инфантерии, инженерную

академию закончил, самого Александра Невского орден имеет, а такой ерундой занимается! – не выдержал слышавший весь разговор генерал-майор Горбатов.

– А-аааа... Осип Иванович, приветствую Вас, извините, сразу не заметил, – поздоровался с ним Савва, который знал, вероятно, всех в городе. – Так чем же Вам стремления генерала Бутовского по развитию физической культуры так не по нраву?

– Да потому что – баловство все это, – презрительно скрипил рот генерал. – И никому не нужно. Вот ни один здравомыслящий человек на эти игры и не поехал! Солдатам, тем да, муштра, упражнения с оружием, да повторы до посинения обязательны, пока наизусть не запомнят. Матросам – плавание да лазанье по канатам. А эти гимнастики ваши! – Горбатов в сердцах махнул рукой. – А уж, зачем это молодым девицам, то вообще не ясно!

– А вот нам Матильда Карловна сейчас и разъяснит. Прошу, господа, по местам, начинают, – и Савва пристроился рядом с Полетаевым на чье-то освободившееся место.

– Медам! – Узвицкая говорила свою речь лицом к шеренге институток. Спина у нее была абсолютно прямая, чувствовалась спортивная, чуть ли не военная выправка, и от всей ее фигуры исходила энергичная волна силы и уверенности. – Этот год вы занимались по сокольской системе гимнастических упражнений, которая есть усовершенствованная в Пра-

ге немецкая и шведская системы. Она была выбрана для женского заведения именно своими отличиями в том, что основной акцент в ней направлен на красоту позиций и движений. Ваши педагоги попытались заложить в вас основы развития координации, грации, выносливости и сопутствующих этому нравственных качеств. Что бы ни приготовила дальнейшая судьба, я настоятельно рекомендую вам всегда поддерживать физическую форму. Гимнастические упражнения помогают воспитанию самодисциплины, организованности, формируют волевые и эстетические качества в человеке. Желаю вам всем удачи.

Выпускницы присели в благодарственном реверансе и под раздавшиеся аккорды фортепиано начали свое выступление маршем. Девочки то выстраивались шеренгой, то замыкались в круг, иногда замирали на мгновение с вытянутыми пальцами рук или, наоборот, собранными в кулачок. Все вместе наклонялись в сторону, сгибая одну ногу в колене, тянули носок ноги или совершали полуоборот. Это зрелище было так завораживающе, что Лева и сам почувствовал пробуждающееся воодушевление, хотелось встать, двигаться или уж сразу примкнуть к гимнасткам.

Институтская жизнь, довольно статичная по существующим правилам, только во время таких занятий выпускала наружу застоявшуюся молодую силу, и видно было, как девочки наслаждаются свободой и широтой движений. Плавные связки одного положения со следующим, изменение тем-

па упражнений, переход от ходьбы практически к бегу – всё это приковывало внимание смотрящих и вызывало чувство восхищения синхронностью и отточенностью движений. Пепиньерки раздали девушкам венки, и начался хород. Это конечно был не совсем танец в привычном понимании, а коллективное гимнастическое упражнение, но отголоски народных элементов придавали действию особый колорит. На этом общее выступление закончилось и последовало несколько номеров с предметами – девочки выступали по нескольку человек и в руках у них булавы сменялись флажками или платочками.

Пара, видимо составленная по принципу схожести сложения, в которую вместе с Лизой вошла темноволосая девушка с точеной фигуркой, по всей вероятности грузинка, привела в восторг ряды публики виртуозным исполнением упражнения с длинными атласными лентами. Кто-то из зала не выдержал и захолопал в ладоши. Начальница Института вынуждена была сделать замечание: «Аплодисменты здесь не уместны, господа. Это – не театр!».

Апофеозом сегодняшнего выступления стало построение живой пирамиды под мерный счет преподавательницы. Здесь основными действующими лицами стали дочка Горбатова и еще две барышни наиболее крепкие физически, а на самый верх сооружения взлетела девушка с пушистыми, как одуванчик волосами, которые не удерживала ни одна прическа. Дальше все снова выстроились в колонну и, сделав па-

ру кругов по залу для восстановления дыхания, подняв одновременно правые руки в прощальном приветствии, так же под музыкальное сопровождение организованно ушли через двери. Экзамен завершился.

Мадам Узвицкая простилась одной из первых и покинула зал. Публика медленно расходилась, и почти каждый счел своим долгом подойти на прощание к начальнице Института и выразить ей благодарность или восхищение по поводу сегодняшнего успеха ее подопечных. Аделаида Аркадьевна каждому находила несколько слов в ответ или хотя бы благодарную улыбку. Видно было, что эта процедура затянется на какое-то время. Попрощался с присутствующими и генерал-майор Горбатов. Андрей Григорьевич Полетаев, явно сдерживая скрытую неприязнь, не вступал в разговор, а лишь кивком головы отметил его уход, а вслед за тем и сам начал было раскланиваться. Но Савва остановил его:

– Постой, Андрей Григорьевич, у меня к тебе небольшое... э-эээ... дельце. Только заранее прошу, пойми правильно! Сделай мне любезность, прими для дочки. Лева, где коробочка та? – Лев Александрович поднял с пола длинный футляр и положил на стулья перед Полетаевым.

– Что это, Савва Борисович? – строгим голосом, словно замыкая себя железным обручем на замок, спросил, о чем-то догадываясь, Полетаев.

– Только сразу не отмахивайся, Андрей Григорьевич! Выслушай. Это платье для Лизы. Вечернее. Бал всё-таки, потом

выставка открывается, столько выходов предстоит. Аринушка с Вронечкой сами фасон выбирали, они понимают в этих штучках. А я только...

– Об этом не может быть и речи, – как отрезал Полетаев. – Если бы у нее День ангела приходился или праздник какой выпал, то я бы еще подумал. А так не могу. У нас с дочкой все необходимое имеется. Спасибо за заботу, но принять возможности не имеем!

– А окончание Института для тебя не праздник?! – вспыхнул Савва.

– Савва, прости меня, но ты знаешь мою щепетильность. И я не считаю возможным обсуждать сие при посторонних, – Андрей Григорьевич нервно сжал рукоятку своей трости так, что костяшки его пальцев побелели.

– Лёва мне не посторонний! – в пустеющем зале Савва дал себе волю и говорил в голос. – А тебе так скажу – гордыня это, а не гордость. Я не на бедность тебе полушку сую, я хочу подруге и однокласснице моей дочери, как ей самой приятное сделать. И ты сам, надеюсь, не «посторонний», а мой ближайший компаньон, и все дела у нас общие, как я считал. Да, не смотри ты на Лёвку, он всё понимает!

– Вы, извините меня, что вмешиваюсь, – подал голос Лев Александрович. – И стал, так сказать, невольным свидетелем... Но, Андрей Григорьевич! Я в перерыве услышал тут случайно один разговор дочки с родителем, так вот... Оказывается, подобное для барышень важно! И я уверен, что

Савва от чистого сердца.

– В московском салоне шили, в одном из лучших. Эх, не пропадать же? На примерки чуть не всем семейством ездили, потому, как на Аглаю прикидывали. Она хоть и на годок помладше, да ты ж знаешь моих гренадеров? – Савва смущенно улыбнулся, – Так что мало точно не будет! А если чуть великовато, то твоя рукодельница за недельку-то подправит. А, Андрюша?

– Спасибо тебе, Саввушка, – сдался гордый Полетаев, – и супруге твоей, и дочкам. Приму, прости Господи. Пусть Лиза порадуетя, действительно. Простите, господа. – И он отвернулся, доставая из внутреннего кармана сюртука белоснежный платок.

– Ну, вот и ладно, – Савва мягко опустил свою ручищу на плечо Полетаева. – Только, Андрей Григорьевич, ты Лизе завтра отдай его как от себя. Не надо всё сначала начинать: «брат-не-брат» – характер-то у нее твой! А так, если спросит, какой оказией из Москвы, то ты просто заказал, а я просто привез. Вот сейчас в кабинете у Аделаиды Аркадьевны его пристроим, а завтра и подарить. Ох, господа, – лоб его непроизвольно нахмурился. – А в Москве-то беда большая. В субботу еще приключилась. Толпа. Давка. Много народу покалечилось, да и насмерть там полегло.

Скопление людей вокруг начальницы к тому времени поредело, и она оставила возле себя только немолодую даму

в неброском платье кофейного цвета. Волосы у дамы были пышными и воздушными как пух одуванчика, и Лева подумал, что скорей всего догадывается, кому из виденных сегодня институток та доводится родственницей. Мужчины приблизились к дамам, и Лев Александрович в очередной раз был представлен.

– Вершинина Аделаида Аркадьевна, начальница Института. Ольга Ивановна, вдова бывшего директора Аракчеевского кадетского корпуса, полковника Оленина. Дамы, разрешите вам представить талантливого архитектора и художника, создателя моего именного павильона на открывающейся вскоре Выставке и давнишнего друга – Льва Александровича Борцова.

– Как удачно, Лев Александрович, – тут же проявила деловую хватку начальница Института, – у меня к Вам сразу же просьба. Дело в том, что я пытаюсь установить в этом году на экзаменах нечто вроде новой традиции – завести обычай, чтобы каждую дисциплину предваряла своим напутствием какая-либо известная особа, в данном предмете уже состоявшаяся. И вот Вас нам Бог послал. На завтрашнее испытание никого, кроме самого преподавателя нашего так и не нашлось. И, если Вы свободны во времени, то нижайше прошу сказать моим воспитанницам несколько слов.

– Почту за честь и спасибо за приглашение. – Так Лева неожиданно оказался втянутым в жизнь учебного заведения.

– А Вы что-то хотели сообщить мне, Савва Борисович? –

Вершинина подняла вопросительный взгляд.

– Да, собственно, не Вам лично, – Савва хмурился как от боли. – У меня сообщение к Ольге Ивановне, но оно такого рода, что я попросил бы воспользоваться Вашим кабинетом. На ходу никак нельзя. Сразу скажу, Ольга Ивановна, что известие характера трагического. Пройдемте?

Савва увидел, как побледнела и еле устояла на ногах полковница, и шепотом спросил у начальницы, есть ли в Институте дежурный медик. Та кивнула. Лева подхватил Оленину под локоть и поддерживал до самого кабинета. Получилось так, что к ним присоединился и Полетаев с подарком. Пока коробку сообщая пристраивали, и шла вся ненужная суета, оттягивающая момент правды, Оленина, смотря в пол, сидела на диванчике, и кружевной платок недвижно лежал у нее на коленях. Она не выдержала первой:

– Савва Борисович, плохие новости по поводу Леночкиной стипендии?

После смерти мужа Оленина одна тянула четверых детей и еле сводила концы с концами. Двое старших, мальчики, по стопам отца не пошли, да она и не настаивала. Оба имели тягу не к военной службе, а к наукам естественным. Оба уехали в Москву, успешно поступили и учились там в университете, причем старший, Семен, через месяц уже должен был держать экзамен на его окончание. Дай Бог, на ноги встанет, на него вся надежда была материнская. Вот и Лидочка заканчивает Институт благородных девиц и, может быть, тоже

начнет подрабатывать – всё полегче будет. Обе дочери в память о заслугах отца перед городом были стипендиатками. Оплачивать обучение четырех детей сразу вдова полковника была не в состоянии. Младшей, Леночке, оставалось еще три года пребывания в Институте.

Савва поставил стул, и сел так, чтобы можно было дотянуться до вдовы, протянул свою лапищу и накрыл обе ее руки сразу.

– Да Бог с Вами, там всё решено попечителями, – он вздохнул. – Ольга Ивановна, милая. Вам сейчас нужно собрать все свои силы и в Москву ехать. Плохие вести привез я Вам, уж простите меня, ради Бога.

Она подняла глаза, уже почти приняв беду, и только еле слышно выдохнула:

– Кто?

– Да боюсь, как бы ни оба. Семена точно уж нет, сам его в анатомическом театре видел. А Петенька дышал, как я вчера уезжал сюда, после обеда справлялись. Но врачи никаких гарантий не дают.

Оленина не проронила ни одной слезинки, только побледнела еще больше и, потеряв сознание, в беспамятстве завалилась на бок. Лева бросился в коридор и крикнул проходящей мимо пепиньерке:

– Барышня! Врача, срочно! В кабинет Вашей начальницы. Обморок, скажите!

Прибежал на зов старенький доктор со своим саквояжем и

стал колдовать над медленно приходящей в себя Олениной. Вершининой он тоже накапал что-то в маленький стаканчик, но та не притронулась к нему, а только беззвучно плакала. А Савва в это время излагал невеселую московскую повесть прошедших выходных дней.

Коронация состоялась во вторник. Допущены, конечно же, были только заранее приглашенные на самом высшем уровне. После три дня также продолжались официальные мероприятия, попасть на которые было крайне затруднительно, а народные гуляния планировались только на субботу. Девочки всеми силами допытывали отца, чтобы не пропустить такое событие. Но многочисленность семейства и разница в возрасте никак не давала Савве возможности показать императорскую чету всем сразу. У самих родителей был билет на бал Московского генерал-губернатора, но даже старшие дети туда не допускались. На спектакль в Большом театре на вечер пятницы приглашения достать не удалось, даже при всех связях Мимозова. На совете с супругой решено было одеть девочек по погоде, и ехать на Ходынку, где в субботу в два часа дня императорская чета должна была предстать перед народом на открытом воздухе.

Но утро не задалось. Сначала у младшей, Шуры, разболелся живот. Когда пробило полдень и решили ехать без нее, оставив нянькам, та прижалась к матери и заревела как пожарная сирена. Потом живот внезапно прошел, и ее пошли

одевать. Остальные, уже одетые, мучились в прихожей от жары, и Настя захотела пить. Когда она облилась вишневым компотом, Савва не стал дожидаться дальнейших напастей, а взяв двух старших – Арину и Аглаю, и чмокнув Вронюшку в щеку, договорился, что она с младшими поедет сразу к Петровскому Дворцу, где они и встретятся на площади.

Император с супругой строго по расписанию, всего с пятиминутной задержкой вышли на балкон Царского павильона. Народная толпа приветствовала их криками «Ура!» и пением «Славься!», стрелял салют. Зрелище было потрясающим, только Савве с почетных мест, кои были вблизи самого павильона, показалось, что Ее Императорское Величество чересчур бледна, но он списал это на ветер или усталость. Через полчаса празднование завершилось, и вот тут среди разъезжающейся публики стали распространяться первые слухи. Никаких следов видно не было, и на Ходынском поле ничто уже не напоминало об утренних событиях. Но поговаривали, что по пути сюда многие встречали пожарные возы, покрытые холстами, из-под которых виднелись свешенные руки и другие оголенные части тел. Понятно было, что везут они неживых уже людей и тех, судя по способу перевозки, много.

Савва постарался, чтобы эти разговоры не дошли до ушей дочек, они втроем быстро погрузились в открытую пролетку, на которой и приехали сюда, и отправились вслед за царским кортежем к находящемуся поблизости Путевому Петровскому Дворцу. Там они воссоединились с остальным се-

мейством, и Савва поразился, что младшие лицеизре-таки въезд императорской четы во двор через ажурные ворота. Еще какое-то время Мимозовы дефилировали вместе с остальной публикой по площади перед Дворцом, наблюдая съезд приглашенных государем на обед волостных старшин, а в пятом часу пополудни поехали обедать домой. При подъезде к самому дому, от его стены отделилась тщедушная фигурка в длиннополой студенческой шинели. Представившись Алексеем Семиглазовым, фигура невнятно попросила о помощи. Глаз у просителя, не в пример фамилии, было не семь, а, как и положено, два, но были они такими огромными, какой-то неправильной, почти квадратной формы, темного карего цвета, так что зрачков не различишь и, как будто, до краев наполненные слезами. Собачьи глаза. Из его скомканной речи можно было различить только: «Кажись, беда, Савва Борисыч, помогите, не знаю куда...»

Савва, поняв, что это точно – к нему, не ошибка, отправил любопытствующее семейство в дом, а сам провел Семиглазова в кабинет, велел принести туда горячего чаю и налил юноше рюмку водки. После этого тот немного согрелся, перестал трястись, и сложилась такая картина. Алексей, оба брата Оленины и некий холостой письмоводитель вскладчину снимают маленькую квартирку. Хозяйство ведут практически общее: то письмоводитель жалование получит, то братьям матушка пришлет помощь или они что сами на уроках подработают, то Алексею придет посылочка от крестной.

С хозяйкой рассчитываются в конце месяца, из довольствия братьев, которое регулярно приходит в двадцатых числах.

И вот, когда до его поступления оставалось несколько дней, они как-то сразу все поиздержались. Праздновали императорское помазание, не без того. И вот вчера студенты, довольно пьяненькие и с пустыми карманами, уже под ночь возвращались на свою квартиру и столкнулись во дворе с письмоводителем. Тот обнимал сразу двух румяных соседских барышень и поведал своим сожителям, что ночь эту намерен провести на Ходынском поле, где с утра будут раздаваться царские гостинцы. Узнав, что в подарок будет колбаса, пряники, фунтовая сайка, да ещё и памятная кружка с царским вензелем, братья тут же решили присоединиться к походу. Письмоводитель подмигнул им и показал припрятанный во внутреннем кармане стеклянный расписной штоф с мутной жидкостью.

Семиглазова от вида самогонки замутило. По слабости организма он и представить себе не мог бессонной ночи, а мечтал только доползти до койки, благо, что уже видел входную дверь дома. Приятели посмеялись над ним, но милостиво отпустили, обещая, что когда он проснется, они накормят его царской колбасой. Раздача назначена на одиннадцать утра, но они ж, хитрые, будут в первых рядах после ночного бдения, и вернутся на квартиру к полудню, а по крайности – к обеду.

Разлепив утром глаза, Алексей по тишине понял, что в

квартире никого еще нет, глотнул воды и снова провалился в сон. Окончательно он очнулся от заполошного бабского причитания во дворе. Ярко светило солнце, миновал полдень, дома по-прежнему никого не было. Семиглазов вышел во двор и услышал от соседей страшные вещи. Что вроде бы таких «хитрых» как его приятели набралось несколько сот тысяч, да не только с Москвы, а и из окрестных деревень. Что ночь они стояли плотной стеной, а в седьмом часу утра кто-то бросил клич, что буфетчики уже раздают подарки, да не всем, а только «своим». Толпа ринулась к лоткам, произошла жуткая давка, тех, кто попадал, потоптали насмерть.

Семиглазов вернулся в квартиру и продолжал ждать. Ни через час, ни через два никто из его соседей так и не вернулся. Поняв, что от бездействия он может сойти с ума, Алексей бросился на Ваганьково, куда по слухам свозили убиенных. То, что он там увидел, пересказу не подлежит. Тела лежали на пустующем участке, на дорожках, во всех сараях и других подсобных помещениях, а телеги все шли и шли. Он выбежал за ограду, сел прямо на землю, обхватил голову и попытался взять себя в руки. Он сообразил, что если даже отыщет сейчас своих товарищей, то никто ему их не отдаст, потому что он им не родственник. Привести родных? Но не у всех они в городе. Искать близких, тех, кто возьмет хлопоты на себя? Так сначала надо понять, что все-таки произошло. Что делать?

И тут он вспомнил, как на каком-то праздничном вечере

в Университете братья показывали ему среди почетных приглашенных гостей Савву Мимозова, и хвастались, что они лично знакомы и тот даже их сестрам стипендию собственноручно платит. Потом ещё показывали особняк, где тот живет, и всегда говорили о Савве как о существе всемогущем. Семиглазов встал, и пешком, через Пресненскую заставу пошел к центру города, где жил Мимозов, потому что вернуться в пустующую квартиру было выше его сил.

Обед отменялся. Савва взял из секретера пачку денег и добавил в бумажник, понимая, что это лучший пропуск куда угодно. Вначале он настоял на том, чтобы вернуться на съемную квартиру, вдруг тревога окажется ложной. Семиглазов знал, что загулять его товарищам было просто не на что, но он уже поверил в Савву как в былинного богатыря и согласен был исполнять любое его веление. Квартира была пуста. Они поехали на кладбище, уже смеркалось. Пожилой усатый жандарм, которого поставили для удержания натиска родственников, потерявших своих домочадцев, как попугай повторял в толпу: «Опознание завтра, погребение послезавтра». Савва командным голосом рявкнул: «Начальник где? Доложи!» Жандарм опешил: «Ваш-благородие, так они с утра тут как... Час назад домой отбыли-с!». «Веди к старшему!» – приказал Савва, проталкивая перед собой Семиглазова, чтобы не затерялся. В конторе сидел уже плохо видящий от усталости дед, видимо какой-то из помощни-

ков директора, а то и просто сторож. Савва показал ему синенькую. Тот молча взял из угла фонарь, и они пошли обходить длинные ряды лежащих тел. Зрелище было не для слабонервных. Через два часа осмотра, сами практически уже ничего не видящие от тусклого света фонаря и постоянно всматривания в каждое лицо, они отыскивали сразу и Семёна, и письмоводителя с одной из барышень. Второй из них и Петра нигде поблизости не оказалось. Продолжать осмотр сил больше не было, они решили, что приедут утром, когда рассветет. «Этих двоих в сторону, раз уж опознали, сообщим – завтра заберут, а того... Ледник при часовне имеется? Туда его!» – приказал Савва, указывая на тело Семёна Оленина. «Побойся Бога, барин! Ледник с утра переполнен, куда ж я этого, из общей-то захоронки? Меня ж завтра в шею, а его все равно, в общую, обратно». «А если не в общую? Покупаю место, оградку, заказываю полностью всё – отпевание, сорокоуст!» – сделали запись в конторской книге, выписали гербовую бумагу и всё решилось. Савва своими глазами удостоверился, что место в леднике нашлось, и напоследок, рассчитываясь с дедком, спросил у того: «А если живые, то куда свозили, знаешь?». Дед почесал в затылке: «Дык... Их столько сегодня было, барин. Где место нашлось. Но в основном, говорят, в Мариинскую, да в Старо-Екатерининскую».

Савва велел Алексею ехать отсыпаться, так как Петра он сам узнает, если что, но тот наотрез отказался. Остаться совершенно одному, без этого большого, всё решающего, всё

на себя берущего человека наедине с ужасом и тишиной? Нет! Семиглазов теперь готов был не спать хоть неделю, только бы чувствовать себя в безопасности, под защитой. И они вместе взялись объезжать больницы. Ни в одной из двух упомянутых Петра не оказалось. «Ну, что, Алексей, к себе, что ли ночевать тебя забрать сегодня?» – размышлял вслух Савва. «Савва Борисович, не бросайте! Я где-нибудь в уголку, в прихожей, я не стесню. Только одного не оставляйте!» «Ну, что, домой, что ли?» – спросил кучер. Савва задумчиво подтвердил: «Да, давай э-эээээ... домой, голубчик», – и вдруг хлопнул кучера по плечу и твердым, совершенно не уставшим голосом почти крикнул: «Гони в Голицинскую!»

В Голицинской им повезло. Они нашли Петра живым, но дежурный фельдшер сказал, что потеря крови была такая, что вряд ли до рассвета дотянет. Савва перебрал в уме всех, кто из его многочисленных знакомств мог быть сейчас полезен. По течению дел товарищества Полетаева они с Андреем Григорьевичем часто и много в последний год имели дело с различными хирургами, и Савва вспомнил, что именно в Голицинской всё ещё практикует в прошлом военно-полевой врач, ученик Пирогова, доктор Коломийцев. Он оставил Семиглазова дремать на банкетке в приемном покое и помчался по домашнему адресу профессора. Разбудив того уже под самое утро, он вытащил доктора из постели и примчал в больницу, благо оборудование там было, хотя практически применялось крайне редко.

Так как и этот врач, осмотрев, подтвердил, что надежды нет никакой, Савва упросил, а Коломийцев согласился и провёл Петру Ленину прямую инфузию крови, так как терять было всё равно нечего. Савва предложил в качестве донора себя, но ему было отказано по причине возраста. Стали искать источник моложе сорока лет, и тут проснувшийся Семиглазов с рвением согласился на процедуру. Увидев инструментарий, он плавно ушел в небольшой обморок, но сразу же очнулся и, ответив на вопросы о бывших болезнях или отсутствии таковых, настойчиво велел продолжать. Никто не знает, по каким причинам, но перелитая кровь не сворачивается всего в одном, примерно, случае из трех. Оставалось только молиться. Савва поручил обоим подопечных присмотру врачей, а сам поехал, наконец, домой.

Слава Богу, дети спали. Он, стараясь не шуметь, прокрался в спальню, но увидел, что Феврония дремлет, полусидя на подушках, в домашнем платье, не раздеваясь. Она тут же чутко уловила появление мужа:

– Ну, наконец-то! Иди, умойся, и я тебя кормить буду.

– Кусок в горло не полезет, Вронюшка. – И Савва как был, в парадном с утра еще одеянии, прилег на кровать и положил голову ей на колени.

Он рассказывал все страшные события вечера и ночи, а она гладила его по вискам, не вздрагивала, не охала, а только иногда задавала уточняющие вопросы.

– А у вас тут что? – спросил он, завершив скорбное повествование. – Девочки-то хоть не знают?

– Младшие вроде не знают, а старшие догадываются, конечно, ты ж понимаешь, что прислуге рот не зашьешь.

– Давай рассказывай, я ж знаю, что полон дом новостей всегда.

– Ты знаешь, Савва, что я сплетен не люблю!

– Воронёнок, ну почему сразу сплетен? Расскажи как на-строение в городе, что говорят?

– К нашей кухарке товарка забегала, – нехотя начала Феврония. – У них хозяин приглашение на сегодня имел к французскому послу, так весь день думали, что бал отменят. Ну, тот ждал до последнего, но никого из посыльных не было. Он лицо государственное, подневольное – поехал. Так говорит, император контрдансом бал открывал. Правда, уехал скоро.

– Контрдансом?! Именно? Не понимаю. Не понимаю я этого! – свирепел Савва.

– Вот так, Савва, и многие не понимают. Может, времени не было? – Феврония вопросительно посмотрела на мужа. – Завтрашний-то приём у австрийского посла перенесли же, на обед, на вторник. Может, сегодня не успели просто?

– Да как же можно танцы-то, когда такое горе у людей? – поиски оправданий не входили в намерения вымотанного за этот день Саввы. – Ты и мне прикажешь в понедельник, в день всеобщего захоронения вечером по приглашению плясать отправиться? У меня сейчас волосы шевелятся, как

вспомню, что мы днем оркестры слушали, да петрушек глядели, когда этих несчастных на телегах развозили!

– Погоди, Савва, может еще отменят.

– Отменят, не отменят, а моей ноги там не будет!

– Нельзя так, Савва, – супруга успокаивающе оглаживала Савву по плечам. – Пойдешь поперек генерал-губернатора, потом припомнят. Ладно, сошлемся на моё положение, скажем – тяжко.

– Не собираюсь я пол-Москвы в твоё положение посвящать! Не пойду – и точка! – Савва вскочил и стал нервно срывать с себя одежду.

Феврония стала, было, подбирать с полу разбросанные вещи, но потом села на стул с жилеткой в руках и задумалась.

– Саввушка, а поезжай-ка ты в Нижний, – вдруг ни с того, ни с сего выдала она. – А я тут всем объявлю, что тебя по заводским делам срочно вызвали. А то встретишь еще кого в городе, да скажешь что не то. Ты поезжай. Сам. И Ольге Ивановне документ отвезешь, и поможешь, если что. Одно дело – посыльного с бумагами послать, другое – по-человечески рассказать, как дело было. Прямо сегодня и езжай.

– Да ты что, Вронюшка, как же сегодня-то? – опешил муж, и сел на кровать, так до конца и не переодевшись. – Дел-то сколько! Семиглазова этого, как в себя придет, забрать куда-то надобно, на квартиру к ним съездить – родным номерочки сообщить тех, кого опознали, да и Петя...

– А вот это всё и без тебя можно, – Феврония вновь при-

села рядом, и снова гладила его по руке, и голову клала на плечо мужа. – Я распорядюсь, сделаю.

– Да как ты сделаешь? Такая суматоха была, я даже адреса не помню!

– Ничего, Саввушка, кучер помнит. Ложись и спи, сколько сможешь, будить не стану.

Когда Савва проснулся, его ждал подготовленный дорожный костюм. За день Феврония успела послать кучера к квартирной хозяйке Семиглазова, а после справиться о состоянии здоровья Петра и Алексея. Первый был жив, а второй слаб. Еще она велела упаковать и забрать от модистки платье для Лизы Полетаевой, отправила посыльного к начальнику вокзала, чтобы готовили прицепной вагон к вечернему составу, и собрала мужу в дорогу кое-какие харчи. Хоть большая часть поездки и выпадала на ночь, да всё равно ж перед сном захочет чайку попить, так пусть с домашним, а не хватает, что попало в дорожных буфетах. И вот, утром понедельника, Савва Борисович прибыл в Нижний. Заехал только к себе переодеться и поспешил в Институт.

Когда рассказ Саввы был окончен, все в кабинете какое-то время молчали. Осознать услышанное было непросто. Аделаида Аркадьевна, как женщина, сразу поняла и приняла горе матери и, хотя больше не плакала, но слезы все время были где-то рядом.

– Ольга Ивановна, милая, – Вершинина первой нарушила

скорбную тишину по праву хозяйки кабинета. – Если Вы в Москве не управитесь до выпуска, то не волнуйтесь, пусть Лидочка живет в Институте, сколько потребуется. Я думаю, проблему с довольствием мы решим, да, Савва Борисович?

– Это всенепременно, это даже не обсуждается! – кивал Савва. – И, Ольга Ивановна, если Вы сейчас стеснены в средствах, то только скажите...

– Нет, Савва Борисович, Вы и так столько для нашей семьи сделали, – твердо отвечала Оленина, хотя дыхание у нее все еще оставалось прерывистым. – Земной Вам поклон. Я ж пенсию так и не успела мальчикам переправить, так что спасибо. За всё спасибо.

– А девочкам как сообщить? Может Лиду сейчас к Вам вызвать? – спросила начальница и, увидев окаменевшее лицо матери, прижала ладонь ко рту.

– Если сможете, скажите сами, – Оленина поднялась. – Я сейчас девочек видеть не смогу. Я сейчас нужна своим мальчикам. Я поеду. Я вернусь. Я потом им...

Савва с Лёвой подвезли вдову до ее ворот. Та поднялась по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж пустого дома, достала из ящика комода завернутую в салфетку трубочку денег. Потом пошла в спальню, взяла шкатулку, стала разбирать. Два обручальных кольца и крестик вернула на место, а рядом с деньгами положила нитку жемчуга и золотые серьги. С портрета на нее ласковым, как всегда, взглядом смотрел супруг в парадном мундире и при регалиях, ко-

торые к нему совершенно не шли. Подумав, она вынула из ушей другие сережки, что надевала для выхода, и добавила к собранному добру. Вышла в столовую и из ящика буфета вынула все серебряные приборы. Тут ее взгляд поднялся выше, она нахмурилась, открыла стеклянную дверцу и достала стоящий за посудой у стены, единственный, но довольно массивный серебряный подстаканник. Взяла его двумя пальцами за ручку, в полном спокойствии спустилась по лестнице во двор и швырнула в выгребную яму.

Бесспорно, «королевой» выпускного класса была Танечка Горбатова. Во всяком случае, она думала именно так. Правда, это совсем никак не касалось самой учебы, в парфетках она никогда не ходила. Но по качествам чисто женским, считала она, сравниться с ней никто из товарок не в силах. Конечно, есть девочки очень красивые. Например, княжна Нино Чиатурия, подлинная красавица, спорить глупо. К тому же она и шифр, скорей всего получит, они с Полетаевой и Зарецкой за него соревнуются. Но ведь скучна. Живет как неживая, по каким-то своим правилам, в строгости, где ничего нельзя, где все грозит нарушить какое-то там достоинство, честь. А Танечка всегда живая, радостная, любопытная. И вот когда, например, надо приветствие сказать каким-нибудь важным для начальницы дядькам, или подарок на Рождество смотрителю училищ поднести, то кого зовут? То-то!

Начнем с того, что Таня была самой старшей из всех учениц, и все женские прелести и округлости у нее присутствовали на своих местах. К тому же всегда пышущие здоровым румянцем налитые щечки, как будто просились, чтобы их потрепали или ущипнули. Конечно, на балах приветствовалась аристократическая бледность. Но в повседневной-то жизни Таня видела, какими глазами смотрят на нее мужчины. Встреча с ними была такой редкостью для живущих взаперти институток, что Таня научилась ловить любое проявление внимания к ней – будь то камердинер в театре, случайный прохожий за решеткой парка или чей-нибудь папашка в день посещений. А еще Председателю попечительского совета очень нравилось, как она поет романсы. Поэтому она велела тетке покупать все вновь выходящие ноты и разучивать их не ленилась, не в пример другим занятиям. По секрету сказать, знала она пару песенок и пофривольнее, ее на каникулах братец обучил, ну, да то баловство одно.

Училась она здесь не с первого класса, как большинство девочек. Спихнули Татьяну в Институт, когда той пошел четырнадцатый год, и сама тетка перестала с ней справляться. Первый год училась Таня совсем из рук вон плохо и часто подвергалась наказаниям, потому что никак не могла привыкнуть к институтским ограничениям со всех сторон. Это после теткой-то вольницы! В общем, всё шло к тому, что она должна была остаться на второй год. Папаша-генерал даже начал уже хлопоты о переводе ее в Александро-Марин-

ский институт Варшавы, но поздней весной Таня заразилась где-то корью и долго лежала в институтском лазарете. За время болезни перечитала кучу романов, которые посылал ей в передачах братец, так как никого к ней не допускали. Выздоровела, конечно, но тетка побоялась заразы и оставила Таню в Институте на все летние каникулы.

За лето Татьяна изучила все здание Института наизусть, подслушала массу интересного у оставшегося на лето персонала, не особо следящего за темами бесед и расслабившегося от скуки. Кроме того она собрала вокруг себя и стала руководить несколькими девочками помладше, тоже вынужденно оставшимися на каникулах и вдруг поняла, что в ее распоряжении оказалось целое королевство. Она сделала все, чтобы остаться в знакомом с детства городе, где есть тетка, которую при желании можно на многое уговорить, и есть брат, и нет папашки, при котором точно не разгуляешься.

Осенью, когда она влилась в младший класс, о второгодничестве говорилось теперь только как о последствии тяжелой болезни. А добиваться желаемого, оказалось, можно не обязательно своими руками, главное понять интересы и слабости других, а самой хотя бы внешне соблюдать правила Института. И теперь всегда ее окружало пусть скромное, но собственное общество обожательниц. Почти все девочки в Институте объединялись небольшими группками, иногда даже совсем не по принципу проживания вместе, а скорее по душевной тяге друг к другу. Но Татьяна старалась устро-

ить еще и так, чтобы пансионерки из ее «кружка», а это, как правило, были слабохарактерные или не очень умные девочки, проживали с ней в одном дортуаре. Это давало больше возможности следить за ними, а значит и легче манипулировать. Девочки в ее окружении иногда менялись, и «отвергнутые» про нее говорили не всегда хорошее. И что нельзя положиться, и что при любой общей провинности выйдет так, то она окажется ни при чем, и что даже на руку, бывает, не чиста. Но за руку-то ее как раз никто и не поймал, так что пусть говорят, что хотят!

Больше всего Танечка не любила скучать. Верней не умела. Может быть, поэтому она больше ни разу не болела – те недели тоски с книжкой в руках до сих пор вспоминались с ужасом. Ее «подданные» давно поняли, что если у «королевишны» хандра, то это может обернуться для них если не неприятностью, то неудобством точно. Она или загоняет с какими-нибудь поручениями, не давая спокойно делать ничего своего, либо выберет кого-то одного и начнет подшучивать. А шутки у Танечки добрыми никогда не были, и колкими были определения. Но одно дело всем вместе смеяться над ее «шпильками» в адрес синявок или одноклассниц за глаза, а другое – выслушивать самой. И девочки старались предугадать и не допустить таких моментов – докладывали подсмотренное, пересказывали подслушанное.

Вот и сегодня, после того, как все они переоделись и умылись после выступления, заняться было совершенно нечем.

Оба оставшихся экзамена были такими, что готовиться к ним не надо, прогулки на сегодня не назначали, и вообще, последние дни тянулись как резиновые. Таня уже предвкушала, как будет дефилировать с братцем по шумным вечерним улицам города, как они поедут гулять в Канавино, на ярмарку, как начнется ее взрослая жизнь. И никакая тетка их дома не удержит! А папаша вот-вот должен был в полк уехать, хотя может и остаться до выпускного бала. Но уж потом! Ух!

– Душечки, не осталось ли у кого гостинцев? А то с этими экзаменами все обеды теперь так задерживают, а кушать уже хочется! – капризно протянула она.

Девочки метнулись к своим тумбочкам, но так как до отъезда по домам оставалось всего несколько дней, то запасы у всех были на исходе. Те жалкие остатки, что смогли предложить ей соседки, Таня брезгливо отвергла, морща носик. Но тут ее взгляд выцепил холщовый мешочек в руках у одной из нерасторопных девиц.

– Что там у тебя, Смоленская?

– Орешки, Танечка.

– Ой, орешки, орешки! Хочу орешки!

Смоленская обрадовалась неожиданному случаю угодить Горбатовой и с готовностью протянула ей раскрытый мешочек. Таня заглянула в него и снова выпятила нижнюю губу. – Ну, так наколи их!

– А чем, Таня? Дверью? Так опять ругаться будут.

– Ну, так и ешь их сама со скорлупой! – фыркнула Танюша.

Смоленская подумала, что поймают или нет, еще не известно, а вот Татьяна может надуться надолго и испортить все последние дни пребывания в пансионе. Она кивком позвала Бярятинскую на помощь, и они направились к дверям, потому что одной колоть орехи было крайне неудобно. Двери открывались внутрь спальни, и ритуал состоял в том, что одна девушка пристраивала орех рядом с косяком и придерживала его, чтобы не соскользнул вниз, а вторая по ее команде тянула ручку двери на себя. Рисковала больше та, что была с орехами, но внимание требовалось от обеих. Может потому они и не слышали шаги классной дамы в коридоре, которую заинтересовала гуляющая во все стороны дверь.

Когда Бярятинская внимательно вглядывалась в закладку пятого или шестого по счету ореха, дверь резко открылась и несильно стукнула ее по лбу. Она отскочила, но тут же раздался жуткий визг Смоленской – распахнувшейся дверью ей прищемило пальцы. Таня в это время находилась в другом конце дортуара и делала вид, что наводит порядок на тумбочке. Никто на нее в этот момент не обращал внимания, но в душе она ликовала – приключение с орехами оказалось гораздо забавней, чем можно было ожидать. И как, интересно, Смоленская собирается завтра держать карандаш на экзамене? Обои пострадавших увели в лазарет.

Из лазарета они вернулись нескоро, с округленными от ужаса и возбуждения глазами, и переполненные добытой информацией. Смоленская потрясала перевязанными пальцами и хвасталась освобождением от завтрашнего экзамена, а у Бярятинской на лбу красовались почему-то сразу две шишки. Они были столь незначительными, особенно по сравнению с травмой подруги, что их бы вообще мало кто заметил, если бы не старания доктора, который разрисовал их сеточкой из йода – они теперь светились как два желтых фонаря. Смоленская продолжала тараторить про выпавшие ей страдания и Бярятинская поняла, что инициативу пора перехватывать. «А что я сейчас вам скажу-ууу!» – протянула она загадочно и тут же Смоленская сразу и зажмурилась, и закрыла уши руками, и сипло прошептала: «Не надо, не надо, я боюсь про покойников!». После этого высказывания равнодушных слушателей не осталось вовсе.

Татьяна сообразив, что речь идет о чем-то очень интересном, но вероятней всего не предназначенном для их ушей, тут же организовала некое подобие безопасности. Смоленскую, раз та все равно боится, они оставили в спальне, чтобы предупредила, если войдет кто-то из старших, а сами во главе с рассказчицей скрылись в умывальной комнате.

И Бярятинская им поведала, что, на подходе к лазарету они столкнулись с нянечкой-сиделкой, увозящей в прачечную белье. Доктор, увидев, что пациентов двое, вздохнул, было, об отсутствии помощницы, но стал заниматься ими

один, в порядке очереди. Барятинской он велел подождать, а Смоленскую, прежде всего, заставил опустить руку в лед, насыпав его горкой в кювету, так как пальцы пациентки сильно распухли и болели. А сам стал доставать перевязочный материал из стеклянного шкафчика. Тут вбежала пепиньерка с первого этажа и с криком: «Доктор! Срочно, там обморок! Быстрее в кабинет к татап!», – увела его за собой, он едва успел прихватить свой саквояж, да велеть девочкам: «Только ничего не трогайте!».

Едва дверь за ним закрылась, Смоленская оставив лечение льдом, тут же полезла в шкаф за бинтами, которыми можно было привязывать чужую одежду к стулу или волосы к железной спинке кровати, а Барятинская, шепнув ей: «Не разбей ничего!», выскользнула из лазарета и побежала к кабинету начальницы подслушивать. На первом этаже все двери были массивные, и в данный момент плотно прикрытые, и слышно через них было плохо. Барятинская оглядела пустой коридор и приникла к замочной скважине. Через отверстие все равно ничего не было видно, кроме окна напротив, и тогда она вся превратилась в слух. Понять с кем обморок сразу не удалось, потому что голос татап она как раз слышала. Вообще в кабинете было много народу, но вот, наконец, выделился равномерный мужской бас и стали различимы некоторые слова: «руки», «ноги», «голые», «задавили насмерть», «оба брата», «истекали кровью». А дальше совсем страшные: «анатомический театр», «хоронить» и, поче-

му-то, «Москва». Потом снова раздался голос тапан и еще какой-то женщины.

Внезапно дверь распахнулась, и Бярятинская, забывшая, что на этом этаже двери открываются как раз наружу, заботала свою вторую шишку. Двое мужчин, один из попечительского совета, а второй незнакомый, помоложе и посимпатичней, вывели из кабинета под руки мать Лидки Олениной. Попечитель говорил ей: «Вам непременно нужно ехать сегодня московским. Я распоряжусь о билете, Вам его на дом привезут, а Вы пока собирайтесь», и они повели ее к выходу. В середине коридора та на секунду остановилась, встряхнула пушистой головой, выпрямилась и дальше пошла уже более твердым шагом и самостоятельно. На пороге возникла тапан:

– Что Вы тут делаете, Бярятинская?

– Я ищу господина доктора, – потирая лоб и делая книксен, отвечала ученица. – А то у Смоленской пальцы заledenели, она спрашивает можно ли уже вынимать?

– Боже, какие бестолковые! Конечно можно. Доктор, там что-то серьезное?

– Кости целы, но кожа содрана и несколько дней надо будет походить в повязке.

– Ступайте, Бярятинская, – вздохнула начальница. – Я думаю, что за сегодняшнее происшествие вы уже сами себя достаточно наказали. И передайте Смоленской, что я освобождаю ее от завтрашнего экзамена, средний балл ей выведут по

ее последним достижениям. Спасибо, доктор.

Далее место действия в рассказе опять переместилось в лазарет, но тут заговорщицы отчетливо услышали звук упавшей на пол книги – это Смоленская подавала знак, что в дортуаре появился посторонний. Девочки, соблюдая конспирацию, по одной стали выходить из умывальника. Классная дама собирала всех для построения на обед.

После обеда из прачечной привезли чистое, девочки по номерам разобрали свои пелеринки, передники и манжеты. Таня Горбатова, пришивая воротник к камлотовому форменному платью, вслух рассуждала:

– А ведь последний раз, душечки, шьем-то, наверно. Уж скоро прощаться. Вот я припоминаю, мне ж еще кое-кто желания должен. Надо бы собрать с вас, а то разъедемся, сгорят, поди, впустую. А желание мое такое: пойти спросить Олениных, знают ли они, какая у них беда. Барятинская, пойти и спроси.

– Душечка, почему я-то? – хотела увильнуть та. – Пусть вон – Смоленская сходит, я сегодня уже – вон, сколько всего, а она ничегошеньки!

Смоленская стала демонстративно дуть сквозь бинты на свои заслуженные раны.

– Да нет, ты пойдешь, – Таня исподлобья смотрела на Барятинскую. – Вот потому что ты сама про это слышала и пойдешь, а если кто другой, то это уже сплетня получится. И

Смоленская мне всего одно желание должна, а ты два. Вот тебе оба – чтобы еще до сна обе сестры знали, что у них в семье приключилось. А то мне, может, заснуть неважно будет, как так – мы знаем, а они нет? Им за упокой души братьев молиться надобно.

Барятинская отложила шитье и несколько минут сидела молча, видно что-то прикидывая. Татьяна ее не торопила. Задание было более, чем щекотливое, к тому же, сведения добыты были путем несправедливым и, если узнают старшие, то тут уж наказания не избежать, это точно. Да и подружки у Лиды были такие, что доложить не доложат, но сами вцепятся, требуя подтверждений. Да и просто страшно приносить такие вести, глядя в глаза своей однокашнице.

Подумав, что безопасней начать с младшей сестры, а там вторая, может и сама собой узнает, Барятинская решительно встала и пошла к выходу. Татьяна тут же послала еще троих ей вслед, проследить и доложить. Старшеклассницы вереницей проследовали к коридору, где находились дортуары средних классов. Барятинская остановила проходящую мимо девочку:

– Ты из четвертого? Позови мне Оленину, пусть сюда выйдет. – Та сделала книксен и побежала исполнять повеление старшей институтки. Через пару минут из дверей одной из спален вышла ангелоподобная девочка-подросток с фамильными пушистыми волосами и мягкой, доброжелательной как у отца, улыбкой.

– Ты же Лена Оленина, так? – издалека начала Барятинская, та кивнула. – А знаешь ли ты, Лена, что люди умирают?

Улыбка сползла с лица девочки, но она, все еще не понимая о чем речь, продолжала вопросительно молчать. Из-за дальнего угла коридора выглядывали одноклассницы Барятинской. И та пошла в атаку:

– Ты, например, знаешь, что твои братья могут умереть? Вот вчера живы, а сегодня, бац, и оба умерли?

Улыбка вернулась к младшей Олениной, но теперь приобрела несколько брезгливый оттенок:

– Вы принесли мне старую сплетню, барышня. Ступайте себе, а то я сестре скажу! Тем более, что все давно знают, что не сбылось. Стыдно Вам!

– Что не сбылось? – опешила Барятинская.

– То, что гадалка нагадала. Но это было уже давно, а Вы где-то выкопали. Мама говорит, что верить в это дурно и глупо!

– Мама?! – Барятинскую возмутило, что какая-то сикильдявка ее отчитывает, да еще все это слышат ее товарки за углом, и перестала сдерживаться совсем. – Да ваша мама в Москву уехала, братьев хоронить. У них руки-ноги поотрывало и вся кровь вытекла! Вот!

Лена закрыла лицо руками и закричала так страшно, что Барятинская сама не поняла, как оказалась уже за углом вместе со своими одноклассницами. Леночка стояла недвижно посреди коридора и продолжала надрывно кричать, пока не

сбежались синявки и пепиньерки, тогда дыхание у нее закончилось, она упала к ним на руки, и у нее случилось что-то вроде припадка. В последние дни перед каникулами лазарету пустовать не приходилось. Что рассказать Татьяне теперь было, но Барятинская всё бы отдала за то, чтобы это происходило не с ней, пусть бы она осталась должна, хоть сто желаний.

За Лидой Олениной в дортуар пришла сама начальница и позвала пройти с ней в лазарет, потому что Леночке очень плохо. Лида побледнела и ушла надолго. Девочки бегали по очереди вниз, волнуясь из-за ее долгого отсутствия, и одна из них видела, как Вершинина из лазарета увела Лиду в свой кабинет. Примерно через полчаса после этого Лида вернулась в дортуар с заплаканным лицом и остекленевшим, пустым взглядом.

– Лидочка, что? – коротко спросила княжна Нина.

– Сеня погиб, Петя при смерти, мама в Москве, а Леночке кто-то сказал и она в лазарете, – на ходу монотонно проговорила Лида, подошла к своей кровати, легла лицом вниз и застыла.

Лизе захотелось тут же кинуться к подруге, погладить ее по волосам, пожалеть. Но она удержалась и только присела на край ее кровати, чтобы та чувствовала, что она не одна, что рядом кто-то есть. Нина молча налила воды в стакан,

принесла и поставила на тумбочку рядом с кроватью Лиды. Потом пошла, взяла своё полотенце и, намочив и отжав его в умывальнике, повесила на спинку Лидиной кровати рядом с сухим. Так же молча прошла к себе, взяла книжку и стала читать. Кажется, это был молитвенник.

Беда. Чужая беда вошла к ним. Да и бывает ли она чужой? Лиза вспомнила свое первое настоящее горе. Она тогда была гораздо младше Леночки и только один класс отучилась в Институте. Но какая разница сколько кому лет, когда наступают такие вести. Кто так бездушно не пожалел Леночку, что ее боль теперь Лиза чувствует как свою?

Лизе тогда рассказал все сам папа, очень бережно, очень осторожно, что мамы больше с ними не будет, но любовь ее здесь навсегда. И все равно было больно так, что она плакала и плакала день за днем. Если кто-то из подружек гладил ее по плечу или пытался обнять, то все начиналось снова, по кругу – боль, слезы, тоска. На третий день в Институт пришла Егоровна. То ее посещение было единственным за все эти годы. Она наотрез отказалась подниматься в спальню и ждала Лизу в темном холодном полумраке вестибюля. Мама, папа, Егоровна – это были три столпа, три кита, на которых стоял мир Лизы. Они были всегда, и, казалось, должны были быть всегда, и вдруг одной опоры не стало. Лиза уткнулась по привычке в большой живот Егоровны, вдыхая знакомые с детства запахи – кухни, хлеба, каких-то травок, вечно висящих на веревочках по углам. Няня обнимала ее за голову,

иногда гладила по волосам, чуть покачивала как младенца, и слез почему-то не было. А Егоровна ещё и приговаривала:

– Ты, дитёнок, конечно, можешь со своей бедой подружиться, и за ней спрятаться. Только она друг ненадежный. Ты гони ее прочь. Позови лучше боль.

– Как это спрятаться? – непонимающе спрашивала маленькая Лиза. – И зачем мне боль?

– То-то, что ни к чему! – кивала няня. – Она вот придет, встанет рядом, а ты ей – ты мне не подруга и никто, так что я тебя только до времени терплю. Ей и надоест ходить. А пряталки такие – тебе подружки скажут: «Лиза, пошли на санках кататься!», а ты им: «Нет, у меня беда-подруга, я с ней посижу». Тебя кто-нибудь позовет, например, картошку есть, а ты снова не одна! Тебе велят в тетрадке писать, а ты опять за беду спрячешься. Глядь – ни картошки, ни знаний, ни радости. Всё на беду выменяла.

– Так что ж мне делать-то, няня?

– А чего должна, то и делай, – прижимала ее к себе Егоровна. – А боль ближе подойдет – еще пуше делай, еще лучше. И так делай, чтобы самой себе хорошо делалось. В жизни потерь-то, ох, как много еще предстоит, донюшко. Вот если тебе с самой собой хорошо будет, то отовсюду выберешься.

И Лиза послушала. И теперь, когда накатывались слезы или тоска, она сразу занимала себя каким-нибудь делом. И со временем боль, действительно, утихла и перестала приходить так часто. Никто больше не гладил ее по плечу и не

возвращал к тому, чего изменить все равно уже нельзя...

Младшим девочкам первые три года полагалось неотлучно жить в Институте и, когда через пару лет Лиза Полетаева снова приехала в Луговое, то боли почти не осталось. Остались нежность и воспоминания – мамин рояль, мамина беседка в саду, мамина скамейка на высоком берегу Оки. И, конечно, мамина музыка.

Дверь в спальню скрипнула и в образовавшуюся щель протиснулась Смоленская из соседнего дортуара:

– Душечки! Не дадите ли катушку белых ниток? Мне манжетку пришить, а у нас ни у кого не осталось.

– Так-таки у всех сразу и кончились? – подозрительно переспросила княжна Нина, поднимая глаза от книги.

– Ниночка, душечка, ты хорошая девочка, не жадная. Дай ниточек, будь любезна, – как кликуша причитала Смоленская, пряча руку за спиной, а сама озиралась по сторонам. – Ой, а что это у вас Лидочка лежит? Днем же нельзя на кровати, заругаются!

– Не заругаются. У нее горе, – ответила за подругу Лиза.

– Ой, слышала, прости Господи, упокой душу, страсти какие, – Смоленская закатила глаза. – Как гадалка нагадала, так и вышло, да, душечки? Лида вам говорила? А расскажите, как дело было?

Лида вдруг встрепенулась, услышав слово, которого никак не ожидала, и села на кровати:

– Какая такая гадалка? Откуда знаешь? – она внимательно вглядывалась заплывшими от слез глазами в пришедшую попрошайку, – А ну, покажи руку! Тебя подослали? Даже врать не умеешь. Ты как шить-то собиралась? – и вдруг она до чего-то додумалась, – Так это вы Леночку напугали?! Дрянь! – и рванулась так, что Лиза еле сумела ее удержать.

Нино Чиатурия бросила обратно в ящик тумбочки только что найденную катушку ниток, подошла вплотную и прямо в лицо отчетливо сказала:

– Смоленская, пойдите вон!

Когда за той захлопнулась дверь, Лида разревелась навзрыд. Лиза сидела на кровати напротив и просто ждала, когда горе выльется через эти рыдания и наступит просвет. Нина подошла к ним и села рядом с Лизой. Остальным девочкам они сделали знак пока не подходить. И вот плач стал затихать, Лида огляделась, взяла гребешок и стала причесывать растрепавшиеся волосы, потом отпила водички и заметила влажное полотенце. Она приводила себя в порядок, и Лиза решила, что уже можно говорить:

– Лидочка! Послушай меня, как я когда-то послушала хорошего человека. Вот мы сидим перед тобой, твои подружки, и мы что хочешь, для тебя сейчас сделаем. Но только ты сама можешь начать вытаскивать себя из своего горя. Это большая беда, но уже ничего не вернешь. Сейчас надо думать о том, что будет дальше. И о тех, кому хуже, чем тебе.

– Лиза! Но мама-то, мама! Почему она ничего сама нам не

сказала, она же была сегодня здесь, почему? Почему эти противные девчонки, посторонние, такие жестокие... Леночка моя... – и Лида опять принялась плакать.

– Я не знаю, но, наверно, по-другому было нельзя, – Лиза взглянула на Нину, та кивнула. – Вы бы все равно стали плакать, ей пришлось бы вас успокаивать, а где ей самой силы взять? Ты представляешь, сколько на нее сразу свалилось? А может быть, просто оставалось мало времени до поезда, и она боялась опоздать?

– А к Леночке надо еще раз сходить, – подключилась к разговору Нина. – Ей одной в лазарете-то, наверно, страшно ночевать? Может, упросим татап хоть эту ночь разрешить ей спать у нас на свободной кровати? Мы тут никому не позволим ей дурацкие вопросы задавать!

– Да, я сейчас пойду, – собралась Лида. – Если она уже может вставать, то пусть хотя бы разрешат ей подняться в домовую церковь, нам надо помолиться.

Вечером, когда все уже улеглись, а Леночка забылась беспокойным сном, Лида шепотом рассказывала подружкам, вдвоем закутавшимся в одно одеяло на соседней кровати, историю полутораговой давности. Так как девочки учились в Институте, где порядки были очень строгие, то осенью, на день рождения матери старался приехать хотя бы один из сыновей. Иногда на пару дней, иногда на недельку. Бывало, что срывались с занятий и оба вместе – ничего, начало учебного года, потом наверстаем.

В тот год был как раз такой случай, и известие о кончине императора Александра III застало братьев в родном городе. Император был совсем еще не старым, ему не сравнялось и пятидесяти лет, и, хотя о его болезни все были наслышаны, но такого исхода никто не предполагал. Братья же, сбежав с учебы, всю использовали вольное время, дома сидели только по вечерам, и, конечно не могли обойти стороной последние теплые деньки, встречались и гуляли с бывшими приятелями по слободке. Ярмарка уже впала в зимнюю спячку, но земля наполнилась слухами о появлении там в этом сезоне то ли гадалки, то ли колдуньи. Денег она брала со всех по-разному, некоторых сразу от порога разворачивала ни с чем, не взяв ни копейки, а кому-то заламывала такие суммы, что закачаешься. И, говорят, платили. Потому как, не в пример базарным цыганкам, она в редких случаях, но бралась предсказанное изменить.

И вот Петя, младший из братьев, стал изнывать от любопытства, всех спрашивать о месте ее зимнего пребывания и зазывать старшего, Семена, хоть одним глазком посмотреть на диво. Тот смеялся над братом, называл его «темной личностью» и стыдил получаемым в области естественных наук образованием. Но потом сдался, увидев столь многочисленные усилия Петра, они поехали по раздобытому адресу и, заплатив по тридцать копеек, попали на прием к гадалке. Та оглядела их с ног до головы, и спросила:

– С обоими говорить или по одному?

– У нас друг от друга тайн нету, – сказал Семен. – Вдвоём давай.

– Тогда спрашивайте. Но хорошо думайте что спросить. Как спросите – так и отвечу. А захочу, перестану отвечать на любом вопросе и мы простимся.

Надо было бы самый первый вопрос составить так, чтобы ясны были перспективы обоих, раз уж сами решили вместе. А то вдруг этой мадам шлея под хвост попадет, и не станет она больше, чем на один вопрос отвечать! Но пока рассудительный Семен все это прикидывал и соображал, такой доверчивый вроде бы, до сих пор, Петя, решил вдруг гадалку проверить:

– А, скажи-ка, поступлю ли я в Университет? – ляпнул он, не спросив брата.

– Не ври мне, барин, – ухмыльнулась, оглядев их обоих с ног до головы, гадалка. – Ты уже поступил. Если вопросов более важных у вас нет, то...

– Обожди, – встрял Семен, – я ж тоже имею право спросить. Скажи нам обоим, каков склад жизни и всеобщее наше бытие при царствовании нового императора сделается, что переменится?

– А вам на что, если вы при нём и недели не проживете? – таков был ответ.

– Тьфу, дура! Пропади ты пропадом! Пошли, Пётр, отсюда, – и Семён вылетел за дверь, злясь на себя самого, что попёрся, как гимназист, чтобы за свои же деньги гадостную

чушь услышать. А Петя задержался, мял в руках фуражку и, сглотнув, рискнул спросить:

– Ты, говорят, поменять судьбу можешь? Сможешь?

– Не каждую судьбу изменить можно, барин. Но ваши – еще не до конца прописаны. Если сами за них переживаете, то шанс есть.

– Сколько надо? – прошептал Петя.

– По пятидесяти рублей. С каждого, – твердо ответствовала колдунья.

Эта сумма была неподъемной для семьи Олениных. Столько платили за учебу. Петя два дня ходил темнее тучи, и как ни успокаивала его мать, и ни велел гнать дурь из головы брат, его не отпускало. На третий день он не выдержал, стащил из буфета два серебряных подстаканника, еще в детстве подаренных братьям крестными, и снес оба в ссудную лавку. С вырученными за них деньгами он поспешил к дому гадалки и высыпал их на стол перед ней. Та выбрала из кучи ровно пятьдесят рублей, остальное не взяла. Петя умолял, просил взять за брата, и даже больше. Она была непреклонна: «Сам придет, тогда возьму». Брат бросился было уговаривать Семена пойти на поклон к колдунье, но получил в ответ всплеск возмущения по поводу обнаруженной только сейчас пропажи. Его позорили и мать, и брат, твердили, что это последнее дело – таскать из собственного дома, и заставили выкупить Семенов подстаканник обратно.

Новый царь выпустил манифест, присягнул сановникам

и войскам, траур по батюшке не помешал ему сочетаться браком, он благополучно начал управлять страной. Братья вернулись в Москву. Прошла неделя, потом и месяц, и все это стало забываться. Лишь иногда Пете в шутку поминали «протюханый» подстаканник, а оставшийся стал как бы укором его глупости и доверчивости. И тогда тот с глаз долой убрали подальше к стене.

На экзамен Лева собирался, как на свой собственный. Все приходящие в голову слова казались ему либо глупыми, либо пафосными. Он долго ворочался накануне, потом плюнул, и решил, что в голову придет, то и скажет он этим девицам. Все равно это ни для кого из них делом жизни не станет, где это видано – женщина-художник или женщина-архитектор? В лучшем случае смогут своих отпрысков научить водить карандашом по бумаге. А вот как связать люльки-кастрюльки с красотой линии или гармоничностью композиции и было для него вопросом, пока не решаемым. Но за само согласие еще раз посетить женское учебное заведение он себя вовсе не корил, а наоборот ждал от визита чего-то хорошего.

Если честно, то ему очень понравился гордый старик Полетаев, да, чего скрывать, и его дочь тоже. И перспектива еще раз их увидеть его радовала. Конечно, Лиза совсем еще девочка, и тут речь шла не о каком-то мужском интересе, нет. Они понравились ему именно вместе, как семья, как люди, которых хочется узнать ближе. Приятные люди. Со ста-

риком, наверно, было бы интересно беседовать на различные темы длинными, зимними вечерами, обсуждать газетные заметки, спорить, а потом незаметно замолкнуть под звуки Лизиного рояля, чуть слышного из соседней залы. «Вот ведь, Савва! Заразил-таки семейно-патриархальными настроением! Того и гляди начну мечтать о теплом пледе и домашних тапочках», – встряхнулся от видений Лева и поспешил в Институт благородных девиц.

На сегодняшнем экзамене присутствующих «зрителей» оказалось гораздо меньше, чем вчера. Из родителей пришли самые стойкие, и Лева, с каким-то облегчением понял, что генерал-майора среди них нет. По всему залу в шахматном порядке были расставлены пюпитры с мольбертами, а главный стол перед ними пока пустовал. Места для посетителей, как и вчера, были за колоннами, и два «главных» кресла так же сияли среди простых стульев, как павлины среди сизарей. Как переменчива жизнь – еще вчера он случайным прохожим на чужом празднике гадал об их предназначении, а сегодня почетным гостем сам займет одно из них. Забавно! Тут Лева увидел Полетаева и с искренней радостью подошел поздороваться с новым знакомым. Они обменялись рукопожатием.

– Приветствую Вас, Андрей Григорьевич!

– Здравствуйте, Лев Александрович. А нашего общего знакомого Саввы Борисовича мы сегодня, по всей вероятности, не увидим?

– Думаю, что не увидим. Вчера, когда мы расстались, Савва был в подавленном настроении, а, я знаю, у него лекарство от этого только одно – работа. Скорей всего он уже на заводе.

– Да, день вчера был тяжелый, – лоб Полетаева прорезали морщинки. – Как Ольга Ивановна держится! Просто сердце сжимается.

– Как вот ее дочь сегодня экзамен сдавать будет? – сочувственно покачал головой Лев Александрович. – Это ж такое потрясение. Может быть, решили не сообщать девочкам?

– Да, тяжело теперь будет. Дай Бог им сил.

– Надеюсь, сегодняшней день будет повеселее, чем вчерашний, и со временем всё наладится, – Лева попытался взбодриться. – А каковы успехи Лизы по рисованию?

– Мало понимаю, Лев Александрович, – улыбнулся старик. – Моих знаний в этой области для объективной оценки явно не хватает. Я больше с гравировкой или с чеканкой знаком. А тут я ей ничем помочь не могу. По мне так – красота красотой, на стенку бы вешал. Но это ж, сами понимаете, отцовское. А, по-вашему, по художественному, так она говорила, что вроде раздражает ее что-то. То ли свет, то ли, наоборот, тень. Если я правильно понял.

– Раздражает? А мне показалась, что ваша дочь особа выдержанная и рассудительная.

– Да не то я говорю, видимо, – смутился Полетаев. – У меня и с латынью-то дружба не крепкая. Reflexus – это что значит? Не «раздражение» разве?

– А! Отражение! Рефлексы – отраженный свет, отблеск. Ну, это и в художественном училище не каждому ученику сразу дается. А что, преподаватель с них такой серьезный спрос имеет?

– Да это скорее моя дочь к себе такой спрос имеет. Повышенный. Чтобы, знаете, все как можно тщательнее. Да и на награду мы рассчитываем. По праву! Лизонька труженица. Медаль, а то и шифр, если дотянет. А учитель у них серьезный. Молодой, но серьезный. Старается.

Тут в зал вошла пепиньерка. Она стала вглядываться в немногочисленную публику, затем, видно, что-то совпало с данным ей описанием, она направилась в сторону Борцова и Полетаева, но нерешительно остановилась в паре шагов от них.

– Мы можем быть Вам чем-то полезны, барышня? – любезно спросил Лева.

– Вы – Лев Александрович Борцов, сегодняшней приглашенный гость, я не ошиблась?

– Так оно и есть. Чем могу?

– Аделаида Аркадьевна просит Вас пройти к ней в кабинет.

– Ах, да! – обращаясь к Полетаеву, подшучивал сам над собой Лева, – Должен же быть соблюден ритуал. Как примадонна может появиться на сцене, только спускаясь по лестнице, так и мы с начальницей должны с легким опозданием войти в двери зала торжественной парой. Я не прощаюсь,

Андрей Григорьевич, еще увидимся. Я к Вашим услугам, мадемуазель, ведите!

В кабинете, кроме самой Вершининой, присутствовал еще некий молодой человек. Он стоял, прислонившись спиной к подоконнику, и листал классный журнал, явно пытаясь этим скрыть тревожность или волнение. Он был не то, чтобы полноватый, но как-то весь состоящий из округлых частей: круглый абрис лица, на нем круглые глазки, зрительно увеличенные ободками круглых же очков. Те были, видимо, совсем без диоптрий, а надевались, по всей вероятности для пущей солидности. Завитки кудряшек, слегка намечающийся круглый животик и, замеченные при рукопожатии, ухоженные круглые, как у младенчика, ногти на каждом пальчике довершали портрет местного учителя художеств. И фамилия не подвела! Начальница представила его:

– Лев Александрович, это Круглов Аполлон Николаевич, наш учитель рисования. Знакомьтесь, господа.

– Вы учились, конечно, позже меня, Аполлон Николаевич. В Москве?

– Нет, простите, в столице. Да еще после посещал педагогические курсы при Академии, а два года назад держал экзамен по методике преподавания рисования в учебных заведениях.

– Аполлон Николаевич у нас только второй год преподает, – уточнила Аделаида Аркадьевна. – А также в женской гимназии.

– И как барышни? Есть успехи? – Лева, видя усердие молодого педагога, старался быть искренне заинтересованным. – Судя по отзывам, Вы ведете преподавание на очень высоком уровне.

– Благодарю! – расплылся в смущенной улыбке Аполлон Николаевич. – Да! Вы знаете, такой прогресс! Очень способные девочки встречаются! – тут Лева невольно улыбнулся, и вовсе не сомневающимся в женских дарованиях, как мог подумать его собеседник, а точности определения Полетаева словом «старается». – Но Вы, не думайте, Лев Александрович, что я, так сказать, поставил пределом... Вот! Активно веду переговоры с Сормовской церковно-приходской школой, и, возможно, уже в следующем году там будет введено преподавание черчения и технического рисования, и тогда я... возглавлю.

– Конечно, конечно. Это Вы молодец! – искренне похвалил Лев Александрович. – Очень слабо у нас еще развито художественно-профессиональное обучение. В его, так сказать, самом что ни на есть прикладном значении.

– Ну, что, господа, если все готовы, то может, проследуем уже в зал? – прервала их беседу Вершинина.

– Да, да, я поспешу, – засуетился Круглов. – Надо уже выставлять композицию для экзаменуемых. Ну, как мы решили, Аделаида Аркадьевна? Двадцать минут на запоминание?

– Четверть часа, Аполлон Николаевич. Кто способен – тем достаточно.

Круглов вздохнул, отклонялся и убежал. Лева воспользовался моментом задать пару уточняющих вопросов начальнице:

– Скажите, а во время экзамена я могу делать зарисовки?

– Да, конечно, Лев Александрович, ведите себя вольно. В этом есть даже некий профессиональный колорит. У нас только не принято ходить по аудитории, но это не касается преподавателя – он может подойти по просьбе ученицы, заменить, например, испорченный лист или сломавшийся карандаш. Вот девочкам перемещаться запрещено. А любые переговоры, если возникнет такая необходимость, прошу вести в полголоса, дабы не сбивать испытуемых.

– Спасибо, все усвоил. Можем приступать.

С легким волнением вошел Лева в распахнутые двери зала. Там уже наступила торжественная тишина и институтки встали из-за своих пюпитров, приветствуя вошедших. Начальница Института и ее приглашенный гость проследовали к «главным» креслам. Вершинина дала знак и все сели, кроме нее.

– Дамы и господа! Медам! Решением педагогического совета, в связи с тем, что успехи класса превзошли средние показатели, сегодняшнее испытание будет немного усложнено. Это будет карандашный рисунок, но не с натуры, а по памяти. Ученицам дается четверть часа на запоминание композиции и два часа на ее воплощение на бумаге. Перед началом

экзамена напутственные слова произнесет Лев Александрович Борцов, помощник архитектора Нижегородской ярмарки, человек известных художественных дарований и способностей. Прошу Вас.

Лева встал. Девочки были рассажены к публике в пол-оборота, так были расставлены их рабочие места, чтобы свет из окон падал под левую руку. Они снова встали по сигналу своей татап и ждали его выступления.

– Милые барышни! – не совсем правильно начал Лев Александрович, – Существует ошибочное, на мой взгляд, мнение, что для рисования нужны особые способности и талант. Как будто не нужны они для всех остальных занятий. Любые умения можно тренировать и совершенствовать. Ваши учителя все эти годы старались развить в вас и чисто технические способности, чтобы рука не боялась кисти, грифеля или карандаша, а затем и творческие навыки переноса реального или придуманного изображения на бумагу, – вынул Лева на нужный курс. – Потому что мысленно «рисовать» умеет каждый. Собираясь на бал, каждая из вас прекрасно понимает какие именно ленты ей необходимо приобрести, потому что хорошо представляет себя в платье того цвета и фасона, которое будет на ней во время танца. – Оживление и улыбки возникли как среди учениц, так и среди публики, потому что образ, выбранный для примера, был очень ко времени. – Это и есть внутренний, мысленный «рисунки», фантазия. Практика рисования дает вам тренировку

таких видов умственной деятельности, как память и воображение. А это пригодится в жизни каждой из вас, потому что прежде, чем что-то создать или найти, вам необходимо это представить. Желаю вам успехов и в сегодняшнем испытании, и во всех творческих проявлениях на протяжении всей жизни. Удачи!

«Уф!» – чуть было не сказал вслух Лева, плюхаясь в кресло. Круглов, сидящий по левую от него руку, шептал ему на ухо:

– Ах, как Вы это своевременно про память-то и воображение. Прямо в точку! – И уже громко, на весь зал: – Медам! Время пошло, можете приступать. Прошу не делать зарисовок во время запоминания, карандаши будет позволено использовать только после того, как композицию унесут.

И только сейчас Лев Александрович обратил внимание на ту самую «композицию». Он в недоумении посмотрел на Круглова, и тот тут же густо покрылся пунцовым колером. В зале сейчас стояла абсолютная тишина, и нарушать ее вопросом Лева пока не рискнул, но потребность разъяснений в его глазах от этого не исчезла. На том столе, что пустовал, когда Борцова позвали в кабинет начальницы, громоздилась теперь куча никак не сочетаемых между собой предметов. Как будто здесь собрали вообще все существующие наглядные пособия сразу. Ни к «композиции», ни вообще к художественному единству это скопище не имело никакого отношения. Справа, на фоне общей драпировки, на заднем

плане уверенно замерла на широком дне приземистая глиняная крынка. Рядом с ней ютились подобные ей кружки – одна стояла чуть впереди, вторая зияла темным нутром, завалившись на бок. Если б это было всё, то и бог с ним. Но! Весь левый фланг занимали учебные геометрические тела. на кубе балансировал шар, за ними возвышался конус, и три цилиндра различных высот и диаметров укомплектовывали это деревянное войско. Но и это ещё не всё! Самый крупный предмет был выдвинут на передний план и им оказался стеклянный кувшин на две трети заполненный водой. Ап! Довершали всё это «торжество вкуса и гармонии» настоящие, не муляжные яблоко и луковица.

Отведенные на просмотр пятнадцать минут истекли, демонстрационный стол снова опустел, и ученические грифели закрипели по прикрепленным заранее листам бумаги. Выждав момент, когда у одной из девушек сломался карандаш, и Круглов встал заменить его, Лева сделал ему при возвращении знак, и они вместе отошли под окна, к безлюдной стене.

– Что сие было? – лишь глазами указывая на пустующий стол, чтобы никто в зале не понял предмета их беседы, шепотом спросил Лева.

– Лев Александрович, любезный мой! Я умоляю только – никому более.

И Аполлон Николаевич, также вполголоса, краснея и запинаясь, поведал предшествующие тому события. Как пра-

вило, на экзаменах из-за волнений и других сопутствующих эмоциональных моментов, особенно у барышень, происходят различные срывы и неожиданности. Поэтому главная задача выпускных испытаний – постараться не ухудшить, и подтвердить достигнутый за время учебы уровень. А уж улучшить годовые результаты удается редко и единицам. Но нынешний класс стал исключением. Очень сильный сложился выпуск. По языкам не было ни одного сбоя, а по арифметике и, на удивление, по физике многие свои позиции еще и укрепили. Как известно, по результатам года достойнейшим ученицам присуждаются награды: шифры и медали различного достоинства. Но в этот раз лидирующая группа давала такие плотные показатели, что определение их последовательности стало вызывать некоторые затруднения и пришлось собирать малый педсовет. В него вошли только сама начальница, классные дамы и те преподаватели, чьи предметы еще не подверглись испытаниям. Надо было за оставшиеся дни как-то определить порядок финалисток. Поэтому предлагалось использовать если не хитрости, то хотя бы некое усложнение заданий с какими-то понятными и реально определяемыми критериями. Музыкальный день не давал такой возможности, потому что изначальные уровни подготовки и способностей имели сильную градацию, и занимались девочки по разным программам, которые родители оплачивали дополнительно. А батюшка так тот сразу отверг возможность привлечения его к этому процессу: «Это всё

мирское! Распределение мест, сравнения, да еще и ухищрения по этому поводу – избавьте старика!» Пастор и ксендз вообще имели только совещательный голос в связи с малым количеством учениц. И вся тяжесть ответственности свалилась на молодого преподавателя, не рискнувшего перечить начальству. Общими усилиями был придуман такой ход – рисование двенадцати предметов по памяти. При существующей системе оценок – один забытый предмет, минус один балл от высшей возможной отметки. При наличии всей дюжины – тогда уже вступает в бой качество исполнения.

– Да! Интрига! – если бы не надо было соблюдать тишину, Борцов захотел бы в голос. – Теперь понятно, откуда фрукты-овощи. Что было под рукой, с кухни принесли, так? Для счета? А что ж пособия-то наглядные все закончились что ли? Где ж одиозная гипсовая голова Аполлона?

– В нашем заведении не практикуется, – Круглов снова покраснел. – Барышни ей круглые очки пририсовывали, велено было убрать от греха подальше.

– Пардон, не подумал, – Лева почти задохнулся от сдерживаемого смеха. – Простите великодушно! Скажите, а могу я подходить к ученицам, не помешаю? Хотелось бы посмотреть, как у них рука поставлена?

– Да, да. Конечно, Вам можно.

Лева пошел бродить среди мольбертов. То, что он увидел, было средним уровнем первого семестра обучения в художественном училище. Но именно то, что это было уверенным

уровнем практически всего класса, и делало заслуги преподавателя значимыми и весомыми. Получив общее представление, он стал всматриваться персонально. Лиза сидела где-то в центре зала, и Борцов зигзагообразными маневрами начал свое к ней приближение. От пюпитра к пюпитру, не привлекая внимания и давая девочкам время привыкнуть к его движущейся фигуре, он оказался в Лизином ряду. Позади нее сидела темноволосая девушка, с которой они в паре исполняли упражнение с лентами. Ее работа, на взгляд Левы, была безукоризненной. Он продвинулся вперед. У Лизы в одном месте рисунка были проблемы, как и говорил ее папенька – с тенями и отблесками. В принципе ничего сложного там не было и, если бы объекты были перед глазами, она, скорей всего справилась бы сама. И тут Лева так сильно захотелось ей подсказать, что он почувствовал себя гимназистом. Он вспомнил, что ему самому разрешены зарисовки и, достав блокнот, грубыми линиями наметил направления штриховки и ее плотность. Теперь надо было как-то Лизе это показать.

Чуть впереди и правее за пюпитром сидела дочка Олениной, он узнал ее по пышным волосам. Лева миновал ее, но что-то зацепило его внимание в работе этой девочки. Он оглянулся и увидел ее заплаканные глаза. «Значит, уже знает», – у Льва Александровича сжалось сердце от сочувствия, он сделал шаг назад и улыбнулся в ответ на поднятый взгляд: «Не помешаю?» Та в ответ тоже слабо улыбнулась и покача-

ла головой. Лева стал всматриваться. Вроде все было хорошо, но что-то не так. Он пересчитал – предметов было одиннадцать. «Тьфу ты, пропасть!» – подумал он про себя, сам не сразу понимая чего не хватает. Потом шепнул девушке: «Я тоже лук терпеть не могу!», еще раз улыбнулся и пошел дальше. Оленина спохватилась, сначала прижала ладошку к губам, потом стала добавлять упущенное.

Лева посмотрел, кто сидит непосредственно впереди Лизы, и увидел кудрявую голову генеральской дочки. Ну, что ж поделаешь, охота пуще неволи. Продвигаясь дальше, Лева кивнул Лизе и показал ей краешек блокнота. У генеральской дочки он так же спросил разрешения понаблюдать, та позволила и вся извертелась на стуле, пока он стоял подле нее, сложив руки с блокнотом за спиной. Выждав минуты три, он проследовал далее, у первых пюпитров развернулся и начал движение в обратном направлении. У Лизы был довольно недоуменный взгляд, но он понял, что маневр его удался. Проходя, он оглянулся на ее работу и увидел, что она все поняла и начала исправлять, но, конечно, получалась грязь. Он остановился и вполголоса официальным тоном спросил:

– Не желаете ли начать заново, барышня? Времени еще более чем достаточно?

– Желаю, – растеряно улыбнулась ему Лиза.

Тогда он вернулся на свое кресло, попросил Круглова заменить Полетаевой лист бумаги и до окончания экзамена не вставал больше с места, делая зарисовки учениц и гостей.

– И вы что, обе воспользовались его подсказками?! – почти с ужасом смотрела на своих подруг Нина Чиатурия. – Это вы-то, которых я думала, знаю как саму себя! Как вы могли, это же стыдно!

Лида с Лизой переглянулись и забавный эпизод экзамена, почти чудесное приключение, которым они только что восторженно обменивались между собой и делились с подругой, вдруг предстало перед ними с какой-то совсем другой стороны, о которой они даже не задумывались. Почему они сами не заметили этого раньше? Волна светлой радости схлынула и, как любой провинившийся, они потупили взоры. Но тут же Лида встрепенулась и удивленно, как бы вглядываясь в себя, спросила у подруги:

– Ниночка, а что тут стыдного? Я ни у кого ничего не отнимала. Я даже не просила о подсказке!

– Но ты ее легко приняла! Как же не отнимала, если ты получила выигрыш, преимущество перед другими девочками? Им-то никто не подсказывал! Это не честно.

– Ты действительно считаешь, Нина, что мы обманом получили свои отметки? – мнение княжны было очень важно для Лизы. За столько лет, проведенных вместе, она привыкла считать Нину кристально чистым, самым честным человеком. Она такой и была, это много раз подтверждалось в различных институтских ситуациях. Представить, что княжна Чиатурия в чем-то погрешит против совести, было немис-

лимым для тех, кто знал ее близко.

– А ты сама как думаешь, Лиза?

– Я не знаю, девочки. Только на душе сейчас стало как-то нехорошо. А до этого было так... Мне что, надо было сделать вид, что я не поняла его? Но он друг дяди Саввы, они вместе приходили в первый раз. И он такой взрослый, такой талантливый, его даже наша мама пригласила. Как мне надо было с ним поступить?

– Ну да! Лизе надо было притвориться слепой, а мне тогда глухой что ли? Мне-то он просто вслух указал на ошибку. Верней, пошутил, но все же было понятно. А притворяться – это честно? Или надо было встать и сообщить о его подкачке учителю, чтобы стыдно стало ему, этому взрослому человеку, который почему-то захотел помочь мне?

– Лида, прекрати! То, что ты говоришь – это вообще ужасно, ты сама понимаешь! – Нина прижала ладони к ушам, как будто слышать речи подружки ей стало невыносимо.

– Ниночка, ты же знаешь, как Лиде нужна какая-нибудь награда. Гораздо нужнее, чем нам с тобой. Тем более – сейчас, – тут Лиза понизила голос, вспомнив о несчастье. – Медалистку скорее возьмут преподавать в приличную семью, чем просто выпускницу. А Лиде непременно придется теперь помогать маме.

– Лида, прости, я не подумала совсем, – покраснела княжна. – Тем более ты так старалась весь год!

– Да нет, ты права, конечно. Но ты... и не права, – Лида

подошла и обняла подругу. – Я совсем не думала тогда ни про медаль, ни про оценки. Вот, если бы думала, выгадывала, то тогда как раз и была бы подлой врунишкой. А так я просто обрадовалась тогда, честно. И всё. Ну, забыла я про ту противную луковицу!

– Ладно, девочки. Действительно, я наверно хочу больше, чем нужно и возможно, ото всех.

– Нет, Нина. Ты, прежде всего, от себя требуешь того же, а значит имеешь право. Я рада, что тебе этот Борцов ничего не подсказывал, а то бы ты после измучилась. А так – ты всё сделала сама! – Лиза тоже обняла подружек.

– Лиза! А ты? Ты что тогда подумала, когда поняла, что он тебе подсказывает? – шепотом на ухо спросила Лида.

– А я девочки, не помню толком. У меня только сердце застучало часто-часто. И я подумала, надо же, он меня узнал! Вспомнил. А потом так захотелось показать, что я все-все поняла, что я не бестолочь какая-нибудь. Вот.

– А как ты думаешь, почему он нас с тобой изо всех выбрал? – все еще шептала Лида.

– Не знаю.

– Он еще около Горбатовой полчаса простоял! – сказала Нина.

При упоминании этого имени волшебство момента было нарушено, и девушки, разняв объятия, разошлись по своим местам.

– Ты не любишь ее, Нина? За что? – спросила Лиза.

– Ничего определенного. Она мне просто неприятна, – Нина ладошкой расправляла складки на своем платье. – И, если честно, то я не очень верю, что вчерашние дурочки сами все придумали и обидели Лену. Я думаю, это она их науськивает.

– Нина, Нина! А это вот не стыдно? «Науськивает»! Мы ж не можем только по подозрению плохо говорить о человеке, – Лиза вопросительно посмотрела на Лиду, но, в этом случае та, по всей вероятности, больше была на стороне княжны. А Нина, хлопнув ладошками по коленкам, снова вскочила и направилась к Лизиной кровати:

– А и вправду, противно сплетничать! Хватит! – И, улыбаясь, указала на коробку, – Лиза, а покажи нам еще раз платье, что тебе папа подарил. Ты знаешь, у тебя глаза меняют цвет? Когда ты его надела они стали синими, а не серыми как всегда.

А платье было необыкновенным! Из тончайшей ткани цвета «шампань», длинное, в пол, с открытым по-взрослому декольте, но от плеча к плечу задрапированным кружевами на тон светлее, ниспадающими свободным краем на левую грудь. Справа они были скреплены букетиком великолепно исполненных нежных незабудок, такими же цветами продолжалась перехватывающая талию атласная лента пояса, свисая до пола, и был украшен прилегающий к наряду кружевной веер. Еще в коробке нашлась пара высоких, выше локтя, доходящих вплотную до пышных рукавов-буфф,

перчаток в цвет кружев.

– Я совсем не умею носить перчатки, девочки! – пожаловалась подружкам Лиза. – У меня все выскользывает из рук и даже, кажется, что я хуже слышу, когда они на руках.

– Фи, Полетаева! – засмеялась вошедшая в этот момент пепиньерка, – Учили Вас, учили. Вы же благородная барышня, что Вам в руках-то носить? Тот веер, да если только театральную программку. И не вздумайте от них отказаться, это немыслимо – с голыми руками. Да и как такую красоту нарушить! Это ж как здесь все друг к другу подходит! Перчатки обязательны. Разрешаю Вам сегодня потренироваться, можете до ужина не снимать их, привыкайте!

Подружки из солидарности тоже достали свои приготовленные для бала принадлежности и до вечера разыгрывали салонных барышень, жеманно передавая из рук в руки различные предметы и сообщая друг другу послания на языке веера.

В день праздника за обедом в Институте никто из выпускниц ничего не кушал. Со вчерашнего дня все девушки готовились к балу. Каждая по-своему, конечно. Были и такие, что ели мел для приобретения «интересной бледности», а если удавалось раздобыть, то и пили разбавленный уксус. Кому-то еще утром уложили волосы во взрослые прически приглашенные парикмахеры, а остальные должны были посетить куафюров только после обеда. Бал назначен был как

раз в День рождения императрицы Александры Федоровны и девушки с утра отстояли службу и царский молебен. Попечительский совет поздравлял их с окончанием курса Института и поощрял билетами на спектакль «Гензель и Гретьель» в новый Николаевский театр, всего несколько дней назад открывшийся премьерой оперы «Жизнь за царя». Постоянной труппы там пока не было, и спектакли давали московские артисты. Пользуясь таким случаем посмотреть на выпускниц съехался весь высший свет города. А вечером был долгожданный бал. Ждали приезда представителя Ведомства Собственной его Императорского Величества Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии, который и должен был доставить посланные три дня назад на высочайшее утверждение ее Императорского Величества именные списки выпускниц и табели их оценок.

И вот к гостям по кружевной чугунной лестнице спустилось воинство нежнейших ангелов – плод многолетних усилий и нынешняя гордость всех преподавателей и служителей Института благородных девиц. Зачитан был высочайший рескрипт на имя начальницы Института за личной подписью вдовствующей императрицы Марии Федоровны с припиской: «Пребываю к Вам доброжелательной», Вершинина была растрогана до слез. И при всей торжественности началось оглашение результатов обучения. Награды в этом году получили:

Нина Чиатурия – шифр большого размера,

Елизавета Полетаева – шифр большого размера,
Александра Зарецкая – золотую медаль большого размера,
ра,

Екатерина Воскресенская – золотую медаль,
София фон Дрейер – серебряную медаль большого размера,
мера,

Лидия Оленина – серебряную медаль большого размера,
Анна Елагина – высочайший подарок, золотой браслет.

Еще пять девочек были награждены книгами. Хотя в этот вечер назвать кого-то из выпускниц «девочками» уже вряд ли кому-либо пришло бы в голову. Девушки, барышни, невесты, красавицы! Еще вчера сидевшие за партами ученицы, сменив форменные платья на бальные наряды в один миг преобразились, и теперь по залу кружило в танце само будущее. Будущее этого города, этой культуры, этой страны. Все надежды, все взгляды родных и гостей, словно лучи театральных прожекторов, были направлены сейчас на эту зефирно-кружевную поросль, которая завтра вольется в общую судьбу, станет частью взрослой жизни, со временем эту жизнь и продолжит. Это потом у них будут разные дороги, счастливые и не очень судьбы, встречи и расставания, успехи и падения. А сегодня каждая была принцессой!

– Лидочка! Поздравляю! Мы с тобой серебряные сестры теперь, – радостно приветствовала медалистку-одноклассницу Сонечка фон Дрейер. – Какой великолепный вечер! А завтра я уже в пути. Давай попрощаемся, подружка моя ми-

лая. Не увидимся, может, никогда больше. Ты же остаешься здесь?

– Да, Соня, остаюсь. А ты, домой?

– Домой. Сначала домой. А потом в Петербург. Я решила!

– В столицу? Всё-таки будешь учиться дальше? На Бестужевских курсах?

– Нет, Лидочка. Я в Университет хочу, к Соколову. С этого года девушкам тоже позволено поступать и в университеты, и в институты. Ты ж знаешь, я геологом хочу быть. Ледники, минералы или палеонтология. Другое мне не интересно, – улыбалась Соня.

– Совсем ничего не интересно? А кавалеры? А танцевать? – у Лиды на рукаве был повязан траурный бант и ее, конечно, не приглашали.

– Нет, я лучше с тобой посижу. А вот и наши птички! – К ним шумной стайкой приближались только что танцевавшие Лиза, Нина, Шура и Катя.

– А Анюта-то, Анюта! Она с этим офицером уже третий танец в паре!

– Девочки, не сплетничайте. А сами-то, сами! То одна с брюнетом, другая с блондином, то наоборот!

– А Лизу ее подсказывальщик тоже дважды приглашал!

– Нет, нет, душечки! Дважды – это прилично, тем более что не подряд – я ж между тем еще мазурку с нашим Аполлоном танцевала! – Лиза понизила голос: – А что за кавалер у Тани Горбатовой? Вы заметили?

– Не люблю молодых людей, которые интересничают! – Нина то ли действительно что-то могла разглядеть в человеке с первой встречи, то ли просто отвергала все антипатичное ей или близкое к нему.

– А он «интересничают»? Нина, да тебе просто не нравится, что он с Татьяной. А он... Симпатичный. И какой-то загадочный.

– Просто «разочарованный принц» собственной персоной! Да, Полетаева, не думала я, что длинная челка да темные глаза – это все, что нужно, чтобы поразить твоё воображение. Но, принцесса, возвращайтесь из мира грёз, к Вам следует Ваш давешний художник. Он нарисует Ваш портрет!

– И снова пригласит на танец!

– Ну, вас, душечки! Он не художник, а архитектор!

– Тогда он построит тебе сказочный замок! – уже шепотом, чтобы не услышал Борцов, подшутила над подружкой Нина, и Лиза тут же вновь закружилась в вальсе.

– Ваша подруга как-то осуждающе на меня смотрит, – вальсируя, заметил Лев Александрович, – Вы обо мне сейчас с ней говорили?

– Нет, Лев Александрович, – улыбалась в ответ Лиза, – она говорила мне, что я принцесса в мире грёз и чтобы я оттуда возвращалась.

– Да, в этих милых голубых цветах Вы чем-то можете ее напомнить. Но я Вам ее покажу, когда откроется Выставка, и Вы поймете сами, что Вы – лучше! Она холодная как хру-

сталь, вся в ароматах ядовитых лилий, а Вы – живая и настоящая!

– Не говорите мне комплиментов, Лев Александрович, Вы меня смущаете. А кто такая «она»?

– Как, Вы не слышали? Да, Лиза, Вам теперь предстоит множество открытий, как истинной принцессе после заточения в башне. Зимой в Петербурге была шумная премьера, все как с ума посходили по «Принцессе Грёзе», даже шоколад с таким названием выпущен, говорят. А все издания пьесы разлетелись по рукам в одно мгновение. Во Франции в этой роли блистала Сара Бернар, у нас – Яворская.

К тебе одной мечты мои летят,
О, дивная принцесса Триполиса,
В чьем имени сокрыл свой аромат
Цветок полей, душистая мелисса!
Ужель умру, и мне не принесет
С собой надежды ветерок прибрежный,
И мне твой взгляд пред смертью не блеснет,
О Мелисинда, о мой ангел нежный!.. – процитировал Лев Александрович Ростан. – Я достану Вам экземпляр книги. Обещаю. Вы позволите узнать адрес, на который можно ее прислать?

– Мне надо спросить у папеньки, удобно ли это, – приседая в реверансе, сказала Лиза, потому что музыка затихла и танец завершился.

– Прошу Вас, не будем откладывать, – Лев Александро-

вич предложил Лизе руку и повел ее в ту часть зала, где находились родственники, попечители и прочая не танцующая публика. – И все-таки, Ваша подруга смотрит на меня недоброжелательно! Чем я не угодил ей, Лиза?

– Ах, Лев Александрович! Вы крайне проницательны, – чуть кокетничая, поверяла ему девичьи секреты Лиза. – Нина не может Вам простить подказки на экзамене, она считает это не слишком достойным поступком. Но не расстраивайтесь, ее недовольство распространяется и на нас с Лидой, так что Вы не один в немилости.

– Ах, Елизавета Андреевна, – в тон ей отвечал Лёва, – честь моя под подозрением! Я приложу все силы, чтобы убедить княжну в моей благонадежности!

– Вы что! Не смейте! – Лиза даже остановилась. – Если она узнает, что я Вам рассказала, то совсем-совсем меня застыдит. А мы с ней только помирились.

Савва, как и везде, где он бывал, собрал вокруг себя окружение из достойных собеседников. Старик Полетаев, конечно же, был среди этого пестрого общества и Лиза со Львом Александровичем подошли к ним. На креслах рядом сидели дамы, среди которых была и начальница Института. Лева спросил у Полетаева разрешения прислать книгу и тут же получил его. Лиза слегка удивилась в этот момент, потому что отец назвал городской адрес, а ведь уже наступало лето. Но она тут же подумала, что, конечно же, еще несколько дней

они пробудут в городе, а с обещанным даром Борцов тянуть не станет, так что папа, как всегда, поступил мудро. Просто всей душой, всем своим существом Лиза рвалась поскорей в Луговое. Тут же она получила подтверждение своим догадкам.

– Андрей Григорьевич, вы-то с Лизой остаетесь в городе? – Глядя на Лизу, но обращаясь к ее отцу, спросил Савва. – Через три дня открытие Выставки, так у меня к вам предложение будет. Вернее просьба.

– Савва Борисович, я вряд ли в силах отказать Вам хоть в чем-то, – серьезно заверил его компаньон, – А просьба ко мне или к Лизе?

– Скорее к Лизе, но нужно Ваше согласие, – Савва заговорщицки понизил голос. – И до князей Чиатурия моя просьба в равной мере касается. Вот послушайте, какие у меня планы. Конечно, все артисты и другие зрелищные представители давно расхvatаны. Ни уговорить, ни перекупить уже никого не получается. Но кое-что мне удалось! На открытие своего павильона мне повезло собрать несколько интересных выступлений. Не вечером, конечно, там все расписано уже. А часика так в два дня. Приглашаю всех присутствующих! Будет вопленица Федосова. Старуха совсем, но плоть от плоти народной! Причитания да напевы исполняет, свадебные песни поет, былины сказывает. Говорят, довольно необычно! Из оперных – Тартакова, конечно, немислимо заполучить! Но вот рекомендовали мне какого-то начинаю-

щего самоучку – Шаляпина, тот будет. Молодой... Но те, что слышали со сцены, хвалят. Так вот и просьба – если бы девочки свой номер с лентами у меня повторили, а?

– О! Это было бы великолепно! – вступила Вершинина. – А то просто жалко, что никто больше не увидит, разъедутся же девочки. А там столько тренировок, столько сил было вложено. И музыку выбирали, и постановку придумывали.

– Да, да, Аделаида Аркадьевна! Я бы и Вашу преподавательницу пригласил, если отпустите. В качестве аккомпаниатора и руководителя?

– С моей стороны всё, что смогу, Савва Борисович. Год, в принципе, закончен, – вслух размышляла начальница. – Экзамены и выпуск на месяц раньше из-за этой Выставки перенесли, да, как видите и мы, и девочки всё успели. Так что теперь все гораздо свободней стали, нам только помещения под приезжих гостей приготовить осталось. Конечно, отпускаю.

– А мне как-то не по душе эта затея, – вздохнула мать Нины. – Наша дочь, все-таки княжна, а не танцовщица! Там будет столько глаз. Мужчины же будут!

– Господи, Этери Луарсабовна! В цивилизованном обществе живем! Ну что Вы, право, – Савва уже не знал, как убеждать. – На экзамене тоже мужчины присутствовали, ничего непристойного никто не подумал даже! Это – спорт, гимнастика! Костюмы закрытые, все прилично.

– Одежду для выступления, Савва Борисович, тоже може-

те взять из Института, – напомнила Вершинина.

– Э-ээээ, нет, благодарю, – хитро прищурился Савва. – Платья будут мои, у меня тут, как Лев Александрович скажет, «концепция» намечается! Мне только длину лент укажите. Эх, если б еще и шифры можно было приколоть, а? Две красавицы, две умницы! – Савва указывал на единственную присутствующую при разговоре девушку из нахваливаемой пары и Лиза невольно раскраснелась. – Что скажешь, тавади Георгий? Я ж не в шантан какой ваших дочерей зову, а на открытие Всероссийской Выставки. Это дело государственное, всенародное! Моё вот семейство тоже собиралось прибыть. Как, Андрей Григорьевич?

– Ну, раз всенародное, то и я согласен, – улыбаясь, ответил Полетаев.

– Князь?

– Пусть выступает! – принял решение отец Нины. – Я сам рядом встану. Я сам смотреть буду. Если кто не так на мою дочь поглядит – у князя Чиатурия кинжал всегда с собой! Шучу, шучу, дорогой! – и князь тоже расплылся в улыбке.

Пользуясь таким моментом, Лева обратился к нему:

– Князь! Я до сих пор лично не представлен Вашей дочери, хотя, кажется, заочно, уже успел в чем-то перед ней провиниться. Ваша протекция послужила бы мне лучшей рекомендацией, прошу Вас! Я хотел бы пригласить ее на танец.

– Пойдем, дорогой! Танцуй, сколько хочешь! А я любоваться на нее стану.

Нина была сильно удивлена, когда сам отец подвел к ней «Лизиного художника», но танцевать со Львом Александровичем, естественно, пошла. В танце, Лиза видела, Борцов что-то говорил Нине и, видимо, за такое короткое время, успел завоевать ее расположение. Когда Лев Александрович подвел ее к подругам и откланялся, Нина сказала:

– Да, Лиза Полетаева... А твой художник вполне разумный человек.

– Почему он «мой-то», Ниночка? Что он тебе наговорил? Про меня что-то? Или тебе комплиментов?

– Дружочек мой, если бы мне, да комплиментов, я бы про разум и не упоминала! Про сокольскую гимнастику говорил, про свободу и мужество, про независимые народы и их самосознание. В общем, дружи с ним. Одобряю! – шутливо поволила княжна своей подруге, и Лиза поняла, что за проступок на экзамене все они прощены окончательно.

И вот вечер стал подходить к концу, а гости начинали постепенно разъезжаться. Полетаев подошел к группе девушек и спросил у Лизы:

– Ну, что, дочка? У тебя всё собрано? Как ты решаешь – еще одну ночь с подружками, а утром я тебя заберу? Или сразу домой, а за вещами пришлем завтра?

Лиза оглянулась на девочек, в ее глазах промелькнула искра сожаления, но она не могла и не хотела обманывать сама себя:

– Домой, папа! Сейчас. Домой.

– Конечно, домой, Лизонька! – Лида обняла подругу. – Если ты что из мелочей забыла, я соберу. Не надо долгих прощаний. С Ниной вы еще увидите, а меня, если будет время, тоже навести как-нибудь, хорошо?

– Конечно, Лидочка, мы же пока в городе остаемся! До свидания, подружки мои милые.

Девушки остались в зале, Андрей Григорьевич пошел к начальнице, чтобы распорядились по поводу Лизиных вещей, а сама она оказалась вдруг неожиданно одна в полумраке огромного вестибюля Института. Где-то вдалеке, около привратника, мерцал свет, и, пока никого рядом не было, Лиза последний раз подошла попрощаться с, так называемой, «девичьей» лестницей. Сколько раз за эти годы прошлестели по чугунному кружеву подошвы легких ног. Сколько раз летали они с подружками вверх-вниз, то в спальню на третий этаж, то на прогулку, то в классы... Сколько лет именно все это и было ее домом, ее миром. И вот этот огромный отрезок жизни теперь кончен. Все теперь будет по-другому. Другие этажи, другие лестницы.

В этот момент, то ли от подкравшихся слез, то ли от усталости, а, скорее всего, из-за пресловутых перчаток, веер все-таки выскользнул у нее из рук и, отлетев, застыл бледным пятном в полумраке у подножия первой ступеньки. Тут же от темной стены отделилась незамеченная раньше фигура, и на Лизу пахнуло тонким ароматом вишневого табака. Фигура подняла веер, протянула на одной вытянутой ладони и Ли-

за неволью коснулась горячих пальцев, почувствовав этот жар даже сквозь тонкую ткань. Половину лица незнакомца закрывала свисающая длинная челка, да и вторую трудно было разглядеть в сумраке, но Лиза уже узнала, догадалась кто это, от неожиданности даже не успев испугаться. Глядя не на Лизу, а на незабудки веера, фигура шепотом продекламиривала:

– Умирая, томятся в гирляндах живые цветы.

Побледневший колодник сбежавший прилег,
отдыхая, в лесу у ручья.

Кто же ты,

Чаровница моя?

Лиза ничего не успела ответить, слышались голоса, фигура лишь раз скользнула взглядом по ее лицу и отступила в тень, а из зала вышли отец и Вершинина. Начальница стала говорить слова прощания и напутствия одной из лучших и любимых своих учениц. Лиза оглянулась, но никого уже не разглядела во вновь сомкнувшейся темноте.

Теплая майская ночь пьянила запахами и пением цикад. Лизе захотелось, чтобы этот день продлился еще и еще. Здесь, на улице, усталости не чувствовалось вовсе и, казалось, родной город только и ждал ее выхода и теперь готов был принять затворницу в свои объятия.

– Короткой дорогой поедем, дочка, или как? – спросил, догадываясь о ее настроении, отец.

– Давай покатаемся, папа? Все равно сегодня уже не спать!
Или сразу домой?

Они подошли к коляске. Возница, обернувшись, спрыгнул с облучка на мостовую и поклонился Лизе:

– Вы, барышня, поди, меня и не вспомните! Красавица-то какая стали! Добро пожаловать домой ехать.

– Кузьма? Кузьма Иванович! Конечно, я Вас прекрасно помню, что Вы! – Лиза поняла, как долго не была она дома, по его за год постаревшему лицу, знакомому с детства.

– Ну, что ж Вы, барышня, тогда, как с чужим-то? – залезая обратно на козлы, бубнил кучер. – Говорите «ты», а то мне, прям, не по себе.

– Ничего, привыкните друг к другу снова. Кузьма Иваныч, давай вокруг кремля. – Полетаев посадил Лизу, уселся сам, и они под мерное цоканье копыт свернули с Жуковской налево. Они ехали знакомыми улицами, и Лиза узнавала и не узнавала их.

– Сильно все изменилось, дочка?

– Да, папа. Нас когда в театр возили, мы видели уже, что над Дмитровской башней шатер появился. Так непривычно! А это что? – спросила она, когда колеса загрохотали по металлу, проезжая колею.

– А это, Лиза, трамвайные пути. Хочешь, завтра пойдем на нем кататься?

– «Трамвай», – пробовала новое слово на вкус Лиза. – Обязательно пойдем, папа.

Они степенно двигались между холмов, справа возвышался кремль, потом выехали на Рождественскую, со стороны Миллиошки раздался одинокий свист, но скоро трущоба осталась за спиной, и вот вдали стали уже слышны колокола – в монастыре звонили к заутрене. Вдруг, из возникшей по курсу церкви Косьмы и Дамиана, звон раздался прямо у них над головой:

– Папа, папа! Это что, в этой церкви звонят? Я, сколько помню себя, тут все стройка шла?

– Отстроились уж! И новая стоит, и не всё старое стали рушить, Лиза. Колокольню-то и сохранили, и подновили, – Полетаев сегодня и сам смотрел на знакомые улицы свежим, как бы Лизиным взглядом.

Ну, вот, они почти и дома! Не доезжая плашкоутного моста, им надо свернуть налево, проехать еще самую малость, и покажется решетка ворот, а за ней васильковый двухэтажный особняк с белой колоннадой центрального входа, который словно обеими руками обнимает двор двумя флигелями, и подъездные дорожки, весело скрипящие желтым песком, и нарядная клумба посередине.

Нельзя сказать, что Лиза не любила городской дом, просто в детской ее памяти вся жизнь до Института, как казалось ей, прошла в Луговом, где всегда царило лето. В воспоминаниях хранились лишь обрывки городской жизни. В них, как правило, была зима, огромные выше человеческого роста сугробы, путь «на прогулку» по узким прочищенным дорожкам

от дома до ограды, который сам по себе был – целое путешествие. Появлялась в этих воспоминаниях и сама маленькая Лиза, которая однажды выпала из салазок и молча лежала в пушистом и мягком снегу, пока ее пропажу не заметили взрослые. Помнился большой зал, в котором наряжали елку на рождество, ее запах, подарки под ней. Походы с мамой в церковь, перезвон колоколов. Об осени Лиза помнила лишь, как перед грозой, когда небо становилось свинцовым, стены дома как будто растворялись в нем, сливаясь по цвету.

Но, конечно же, это был дом. Родной, свой дом, со своей комнатой, с Егоровной. Она, наверно, тоже постарела! А комната? Какая ей теперь достанется комната? Поменяли мебель в детской, или отдали мамину? А может быть, ей отвели какую-нибудь из «гостевых» спален на втором этаже?

– Папа! Вот мы и дома. Ты решил меня поселить на втором? – Лиза увидела, как сквозь плотные портьеры на втором этаже из окон проникает тусклый свет и указала на него отцу.

– Сейчас, дочка. Сейчас решим.

Кузьма сам слез с козел, открыл чугунные ворота и под узцы повел лошадку по правой подъездной дорожке туда, где над входом в одноэтажный флигель, в котором, как помнила Лиза, была кухня, службы и все комнаты домашних слуг, горел сейчас яркий фонарь. Напротив этого флигеля располагался его брат-близнец с конюшней, каретным сараем, хранилищем и жилищем слуг дворовых. На фоне пятна света

замерла массивная фигура в накинута на плечи платке. Лиза соскочила с подножки и бросилась ей в объятия. Она вглядывалась в знакомые черты, искала в них изменений и узнавала каждую морщинку.

– Егоровна.

– Ну, слава Богу, сподобилась такую красоту мою поглядеть! Спасибо, благодетель! Спасибо, что сегодня привез. Нарядную. Прямо – невеста уже. Идем, дитёнок. Идем домой.

Они вошли через то крыльцо, на котором их ожидала Егоровна, а почему-то не через главный вход под колоннами. Пройдя по длинному коридору мимо нескольких дверей, Егоровна распахнула перед Лизой одну из них и там оказалась светленькая комнатка с окнами во двор, чистенькая и с ворохом одежды на постели.

– Вот, разобрала и почистила кое-что из маминого. Выбери что-нибудь из домашнего, остальное унесу пока. Тебе должно быть в пору, а завтра по фигуре подгоним. Умывайся с дороги, и будете чай пить. Небось, со вчерашнего дня ничего не ела?

– Няня, откуда ты знаешь? – улыбнулась Лиза, и, оглядев-шись, спросила. – А я что, здесь жить буду?

– Это я тебе эту комнату выбрала. Если не нравится, то любую свободную приберем. А сегодня уж здесь придется поспать.

– Нет, нет, няня, всё хорошо. Просто я думала, что...

– Эх, дитёнок! – глубоко вздохнула Егоровна. – Да пусть Григорич сам тебе все обскажет. Приходи, я пирогов напекла, теплые еще.

Андрей Полетаев рос любимцем, единственным сынком в семье. Но баловнем назвать его было бы не правильно. Родители Андрея были помещиками средней, как тогда считалось, руки, и, кроме городского особняка и уже упомянутой усадьбы, владели еще имением «Лиговским-Дальним», парой отдаленных фольварков и заливными лугами. То, что в семье звалось «Луговым» на самом деле было частью большого имения, включавшим в себя несколько окрестных сел и деревень. Но название, бывшее при прежних владельцах, давно забылось, а «Полетаево» как-то не прижилось, и усадьбу все стали величать по названию ближайшего к ней села – Луговое.

Повзрослев, Андрей захотел вдруг жизни не просто городской, а столичной, и был отпущен родителями довольно легко, но с условием, что этому вояжу найдется разумное наполнение. Он поступил тогда на экономический курс и клятвенно обещал маменьке предьявить городскую невесту до женитьбы, ежели таковая появится. Отучившись положенное время, сын вернулся под родительское крыло, один, и вел жизнь вольную, но не праздную. Матушка его от своих соседей отличалась тем, что, будучи женщиной доброй, но деловитой, вникала во все хозяйственные нужды, вместо управ-

ляющего могла повторить любые цифры и сама без дела не сидела никогда. Запрещала она также битье своих крепостных, любые телесные наказания считая варварством, и старалась без особой нужды не разлучать крестьянские семьи, за что заслужила их истинные преданность и уважение. И своих мужчин, сначала мужа, а потом и подросткового сына, привлекала ко всем делам и сложностям хозяйствования. Имея такой разумный характер и прогрессивные взгляды на жизнь, не заставляла она также Андрюшу силком идти под венец, просто потому что «время пришло». И он продолжал наслаждаться холостяцкой вольницей, так как сердца его по сию пору так никто и не задел. По возвращении с учебы было поручено ему заниматься недавним в селе новшеством – мастерскими.

Среди полетаевских крепостных рос мальчик Антон Кузьев, лет на пять постарше их сына. Мальчик был смышленный, все время что-то мастерил, иногда целыми днями пропадал в кузнице и, годкам к пятнадцати, стало понятно, что вещи, выходящие из-под его рук, обладают ценностью немалой. В придачу к природным дарованиям прикладывалось, конечно, и бережное отношение Полетаевых к самородку, поддержка его технологическими новшествами, материалами и подручными работниками. Когда сработанные Антоном ножи, ножницы и замки с секретами стали приносить барыши, сравнимые с доходом от небольшого поместья, решено было строить мастерские и, используя разделение тру-

да, расширять производство.

Сам Антон вскоре имел денежку такую, что легко мог бы выкупить и себя, а годика через три и все производства. Да возможно ему бы вольную и так дали, заикнись он только, но разговора такого никто не заводил. Уходить отсюда он и в мыслях не держал. Все здесь ему содействовали, помогали, и, что самое, может быть, главное – ценили и уважали! Родственников у Антона к тому времени в живых никого не осталось, а жениться он тоже не торопился, всего себя отдавая любимому занятию. А оно для него было самым главным в жизни, и людей Антон подпускал к себе по принципу того, насколько они ценят его дело. Когда над ним назначили «верховодить» молодого барина, он того в грош не ставил, новшеств никаких не принимал и всячески свое превосходство при любом случае показывал. Но со временем приглядевшись и поняв, что «барин не забавы ради, а всей душой влез», стал прислушиваться к его экономическим советам, пробовать нововведения и принял-таки того как соратника.

Абсолютно разные по всему – по характеру, по происхождению, по воспитанию, по возрасту даже, но сходные лишь в одном – в отношении к делу, они неожиданно сошлись близко. Романтически настроенный, иногда «витающий в облаках», но благодаря маменькиным стараниям трудолюбивый, росший в семье «под крылом» барский сынок Андрей и всегда хорошо знающий чего хочет и рассчитывающий только на свои силы, твердо стоящий обеими ногами на земле кре-

стьянский сын, сирота и одиночка Антон стали друзьями.

Во времена, когда барский сынок еще обучался в столицах, вышла царская вольница крестьянам. Не сказать, что по большой любви к хозяевам все они захотели остаться на привычном месте, многие схлынули в город за лучшей, как им казалось, долей и пристроились там по фабрикам и заводам. Немногие, у кого семьи были большие, а сыновья работающие, брали ссуды и выкупали собственные наделы земли. Но были и такие, кто остался при прежних хозяевах. Так же, наслышавшись о разумности местной помещицы, стекались к ним в Луговое и различные умельцы со всей губернии. Года через три после возвращения Андрея в родное поместье и начала его патронажа над Луговскими производствами, пришел к ним со всем своим семейством некто Гаврила Стогов, мужик, виртуозно владевший искусством гравировки. Сам он, при своей дружбе с металлами, как нельзя, кстати, пришелся ко двору. Да была у него взрослая уже дочь Наталья, темноволосая разумная девушка, которая с детства, будучи в услужении у дочки прежних хозяев, многому с той вместе обучилась – знала и грамоту, и счет, и музыку. Обладала она к тому же той мягкой красотой, которая не в глаза бросается, а как ровное пламя внутри теплится. Вот ее-то появление и снесло голову сразу у двух заядлых холостяков – и у Антона, и у Андрея.

Однажды, возвращаясь во время страды из Нижнего в Луговое, Андрей увидел идущую перед ним по пыльной дороге

крепенькую босую молодку. Шла она, видимо от самого города, твердым не устающим шагом, с узелком, и перекинутыми через плечо ботиночками. Он, объехав ее на повозке, обернулся и притормозил, узнавая:

– Никак, Наташа? Наша?

– Ваша Наташа! – серьезно и обстоятельно стала отвечать она. – Дочка Егора Строгова. Папаша зимой помер, а мы с мамкой на фабрике все работали. А на троицу и она померла. А я вот не могу там, в городе, одна. Иду вот, да в ноги Вашей матушке брошусь. Пусть не гонит. Я хоть в поле могу, хоть по двору, а хоть и в мастерские Ваши, как скажете! Хоть кем научусь. Но только в город больше не вернусь.

Андрей усадил ее в коляску «рядом с собой, как ровню» и сам привез к матери. Та подумала, подумала: «Эх, Наташенька, а где ж ты одна жить-то станешь!», и оставила девушку при себе, в доме. С того дня, иначе как «благодетель» Наташа Строгова своего молодого барина и не называла. Многие в округе, прослышав, что «... а барин-то наш – в крестьянскую девку Наташку втрескался!», приходили к центральной усадьбе полюбопытствовать. Водворение в это же время в доме молодой женщины со схожим именем давало целый простор для ошибок и кривотолков, и Наташе, живущей при барыне, часто приходилось повторять праздным зевакам: «Не она я! Та Гавриловна, а я – Егоровна». Так оно смолоду к ней и прижилось.

А любовь к той, другой Наташе всё никак не разрешалась!

Матери Андрея может и не нравилось, что выбор его пал на мужицкую дочь, но будучи мудрой женщиной и любящей матерью, она решила выждать и в душевную смуту сына не встревать. Тем более – он уже далеко не мальчик, и сколько ж можно ждать несбыточного счастья? Пусть будет, как Бог даст.

Между друзьями их симпатия к одной и той же барышне тоже пока особых бед не наделала, потому, что оба были люди прямые, хитрить за спиной не умели, и считали такое ниже своего достоинства. Оба ухаживали за ней открыто, гулять везде ходили втроем. Дорогие подарки она ни у одного не брала вовсе, а знаки внимания принимала ровно и явно никаких предпочтений не выказывала. Все так и тянулось, пока однажды Антон не сказал в сердцах: «Андрей, пойдем к ней и спросим прямо! А то, упаси Бог, так молчим, молчим, а потом возьмем, да и прирежем друг друга. Давай от греха подальше, а к правде поближе. Но только – как она скажет, так тому и быть. А второй сразу сердце в кулак. Навсегда! Пойдёт такой уговор?» И вместе они пошли за Наташиным решением. Она обещала ответить на следующий день – кому из двоих засылать сватов, всю ночь проревела, а назавтра дала согласие Антону. Осенью сыграли свадьбу. Господский подарок был щедр – на Кузяева переписали все права на производства, а со временем он выкупил и землю под них.

Примерно через год после женитьбы, как-то под вечер, Антон прискакал к усадьбе верхом и вызвал Андрея во двор

для разговора: «Уезжай, Андрей. Уезжай отсюда куда угодно. Не мотай ты нам всем душу. Всё у нас с ней хорошо, да по ночам слышу, как иногда плачет. Не будет моя жена ни по кому страдать! Уезжай, добром прошу. У нас сын будет!» И Андрей уехал за границу. На долгие годы. Жил какое-то время в Англии, после в землях Австрии и Германии. Интересовался там производствами режущих изделий, медицинских и чертежных инструментов, временами учился, постоянных привязанностей не завёл, много ездил. Когда в России ввели всесловную воинскую повинность, он собрался было возвращаться, да как раз возраст его вышел и в военную службу он так и не поступил.

Будучи уже зрелым мужчиной, он отдыхал на водах и сидя как-то летним вечером за столиком во дворе своей гостиницы, распечатывал пришедшую еще днем почту. Среди нескольких деловых посланий он обнаружил письмо от матушки, которая с прискорбием сообщала ему о кончине отца и не настойчиво, но со скрытой в каждой строчке надеждой, просила его о возвращении. В это время из открытого рядом окна полились чудесные звуки рояля, так в эту минуту созвучные его тоске по дому и скорби по батюшке, что он поднялся и пошел на их зов. В полутьме зала за инструментом сидела молодая женщина необыкновенной красоты. Она была бледна, одета во что-то воздушно-белое и показалась ему в тот момент одним из тех бесплотных существ, которые существуют только в сказаниях народов стран холодных, се-

верных или в воображении поэтов.

Позже он познакомился и с привезшим ее сюда для поправления здоровья дядюшкой, и с ней самой, и влюбился. Влюбился сразу, безоговорочно и, видимо, навсегда. Елена. Его Елена Прекрасная была послана ему судьбой за все долгие годы ожидания и одиночества. Их с дядюшкой вояж подходил к концу и в следующем месяце они намерены были возвратиться в Россию. Андрей Григорьевич объяснился с Еленой, уехал к матери и та, уже не ожидая такой радости на самой старости лет, дала им свое благословение. Андрей направлялся в город, куда должен был прибыть пароход с его невестой, когда по дороге его коляска встретила с той, в которой ехала Наташа. Они остановились.

Эх, дороги, дороги! Да где ж еще случаться судьбоносным встречам! Наталья Кузьева с годами чуть располнела, но сохранила ту мягкость черт и внутренний свет, который так волновал душу Андрея в молодости. Она вглядывалась в его лицо, то ли с некоторым опасением, то ли с неизвестной надеждой. Увидев что-то для себя важное, она выдохнула: «Ты вернулся!». Андрей Григорьевич вслушивался в свое нутро и не мог там различить ничего, кроме спокойной и искренней радости от встречи. Они проговорили наверно с час! В конце она совсем по-простому спросила: «Никакой обиды не держишь?». Он улыбнулся и покачал головой: «Что ты! Я сейчас так счастлив, как будто, наконец, меня собрали во-

едино из разрезанных частей картинки. Никакого зла нет и быть не может. А как у Антона дела?» Она погладила себя по животу и ответила: «А мы опять сына ждем! Будешь ему крестным?» И они разъехались в разные стороны с тихим чувством счастья внутри, что теперь вот уж точно – друзья. Навсегда.

На этом месте хочется остановить рассказ, пока так все хорошо и безмятежно, как редко случается в жизни. Но долго так не бывает. Жизнь не останавливалась, а шла дальше. У Натальи и Антона родился второй сын, Митя. Крестным Андрей так и не стал, был в отъезде после своей свадьбы, пришлось Кузьяевым обойтись без него. Но душевное предложение родителей Полетаев помнил всегда, и о мальчике заботился, как о родном. А через три года родилась Лиза. Когда ей исполнилось шесть лет, умерла ее бабушка, мать Андрея. А Лизина мама, по всей вероятности, уже тогда была охвачена сгубившей ее через несколько лет болезнью, но в детстве подобного не замечаешь.

Когда дочери исполнилось десять, родители решили отдать ее в Институт с постоянным пансионом, а все силы уделить лечению Елены. Но дальше началась полоса несчастий. Вылечить Лизину маму так и не удалось, Андрей снова остался один. Верная Егоровна сопровождала его повсюду – и в городе, и в Луговом. А Лиговское-Дальнее к тому времени пришлось продать. Будучи почти ровесницей своему «благодетелю», и даже чуть младше него, Егоровна, возраст

которой с определенного момента вообще перестал играть хоть какую-то роль, взяла на себя все домашние заботы и опекала Андрея Григорьевича как ангел-хранитель или как мать-наседка. А спустя два года, ранней весной, по крепкому еще льду перевоза через Оку заготовки для мастерских, мгновенно, вместе с возом ушли под воду Антон и Володя Кузяевы. Вдова осталась с подростком-сыном на руках и всем мужниным производством на шее.

Андрею Григорьевичу Полетаеву пришлось снова вспомнить все свои прошлые знания, навыки и взять заботы на себя. Формально все принадлежало вдове, но ясно было, что дела она вести не сможет, и было решено привлечь несколько надежных и заинтересованных людей, имеющих вес в городе. Принять участие в судьбе вдовы согласились еще один помещик, такой же, как Полетаев, городской урядник и заводчик Савва Мимозов, одно упоминание имени которого давало вновь созданному Товариществу вес в деловом сообществе и право на существование. Но Савва на собрании пайщиков честно признал, что уделять много внимания этому проекту не сможет, что финансово, если надо поддержит, но основные его интересы в заводе, производящем паровые машины для реки и железной дороги, и от присвоения своей фамилии всему предприятию скромно отказался. Выбрали председателя, им, конечно же, оказался Андрей Григорьевич, его имя и дали вновь образованному Товариществу.

«Товарищество Полетаева» за прошедшие годы набрало

вес, и становилось известным уже под новым именем. Помня свой европейский вояж, Андрей Григорьевич стал расширять такие направления деятельности, как изготовление чертежных и хирургических инструментов. Он много повидал образцов, признанных в мире за эталоны, но ему очень хотелось улучшить качество именно российской продукции, учесть веяния времени, чтобы отечественные инструменты ни в чем не уступали, а может быть и превосходили изделия зарубежных корифеев. К тому же немалой важности был для него вопрос их стоимости, чтобы доступны оставались они любой, даже самой бедненькой сельской больничке. Он вел обширную переписку с хирургическим и акушерским сообществом, и, понимая, что главное в развитии – это материал и обработка, стал вкладываться в исследования сплавов, стали и в разработку новых станков.

Пустить на это самовольно все средства Товарищества он не имел права, а пайщики в успех отечественного инструментария верили слабо. У всех были заботы и семьи, и их устраивала пусть небольшая, но стабильная прибыль. Андрей Григорьевич сам в свое время настоял, чтобы Митя получил образование. И Лизин Институт надо было оплачивать. Траты других родителей тоже были понятны и оправданы. Никто рисковать не хотел, и Полетаев, заложив свое собственное имение, взял все расходы по исследованиям и разработкам на себя, о чем и рассказывал этой долгой ночью своей повзрослевшей дочери, сидя за самоваром.

– А дядя Савва, что, тоже отказался участвовать? – спросила Лиза.

– Нет, он внес пятую часть. Нас пятеро, все честно. Если бы каждый из пайщиков так сделал, то проблемы почти что не было. Но рисковать долей Натальи Гавриловны я сам не посмел. А четыре пятых – это для нас очень большая сумма, Лиза. Да и та рассчитывалась прошлой весной, а за год траты возросли непредсказуемо. Но я даже докладывать им не стал, что толку? Так что дела наши плохи, дочка. Ты взрослая, я не желаю меж нами недоговоренностей. Хотел завтра все сказать, да ты уж сама, видно, догадалась.

– А Луговое, папа? – Лизе перехватило горло.

– Луговое стоит, что ему станется. А если ты про Полетаево, то оно не наше больше, дочка. Процентом я заплатить не смог, не говоря уже о страховке и услугах банка. В принципе, у меня рассрочка была на 66 лет, но... Проценты ж росли, лучше сразу. Откуда вдруг что возьмется? Так что с особняком простился. Вырученными средствами расплатился по долгам. Банк забрал под свою опеку и дома, и земли. На торги пока ничего не выставлено, но время-то идет... Большой дом заколоченный стоит, я его обхожу кругом иногда, если в усадьбу заезжаю... Это, когда в мастерские еду. А с управляющим, вот, повезло! Я ж все равно жалование ему платить больше не мог, а тут с банком договорились – они его к себе на работу взяли. Так что он же теперь от них там смотрителем служит и с правом проживания с семьей. В том доме, где

они и жили! Так что хоть у кого-то все хорошо.

– И этот дом тоже? – спросила Лиза, уже взяв себя в руки.

– Пока наш, но заложен, – Полетаев поднял подбородок выше и попробовал взбодриться. – А с Выставкой этой повезло тоже! Мы же живем в районе – только реку переехать. Удобно! Нынче в город много разного народу прикатило, так что оба этажа и второй флигель сданы гостям. Это нам поможет лето продержаться, а там, глядишь, и новые подряды заключим. Выставка же только начинается. На нее все надежды!

– Да, я знаю – в Институте тоже спальни гостям готовят. – И, вспомнив Институт, и последние дни в нем, Лиза с изумлением спросила, – Папа! А платье-то? Сколько ж ты за него отдал?! Зачем оно мне тогда? Давай продадим.

– Нет, Лиза! – твердо сказал отец, – Платье останется у тебя.

– Но папа! Я ж его надеть не смогу, всё буду думать, сколько мы на него прожить сможем. Я, папа, арифметику не зря же учила.

– Ох, дочка. А арифметика-то такая, что это Савва тебе из Москвы привез... Да слово с меня взял, что не скажу! Так-то.

Лиза утихла, помешала ложечкой в чашке, поняла, что платье останется у нее и улыбнулась:

– Он хороший! Я люблю его.

На следующий день, конечно же, никто на трамвае кататься не пошел. Лиза, заснувшая только, когда уже совсем рассветло, впервые за долгие годы спала столько, сколько сама хотела. Ее никто не будил словами: «Медам, пора вставать!» и она, проснувшись от яркого солнца в окне и от звуков отъезжающих повозок во дворе, еще немного позволила себе понежиться на мягких высоких подушках. Умывшись, Лиза вышла в столовую, но оказалось, что папа уехал по делам в город. Она отказалась обедать без него, а только попила молока и они с Егоровной занялись ее гардеробом. Среди дня посыльный принес сверток с книгой от Борцова. К нему был приложен букетик живых незабудок. Лиза улыбнулась, отломала одну веточку и заложила между страниц. Тут же начала она читать историю путешествия Аквитанского принца-трубадура, которая так ее захватила, что она даже не услышала, как подъехал отец. Она случайно увидела, что он уже дома, когда вышла в коридор.

Андрей Григорьевич миновал свою комнату, свой кабинет, прошел в самый конец длинной анфилады и смотрел сейчас на дверь одной из запертых пустующих комнат. Имел он вид несколько растерянный, как будто его застали за чем-то недозволенным. А между тем, он просто стоял, никуда не заходя, как будто первый раз заметив, что в его доме есть и закрытые двери.

– Папа, ты тоже еще не привык здесь? – Лиза подошла и обняла отца. – Пойдем обедать, папа, я тебя ждала.

После обеда, Андрей Григорьевич сидел в кресле импровизированной в этом флигеле гостиной и, не трогая газеты, лежащие на столике рядом с ним, все смотрел и смотрел на дочку.

– Папа! Ну, читай свои любимые газеты! Я теперь никуда не денусь, – смеялась над ним Лиза.

В это время прибыл еще один посыльный, от Саввы, который приглашал Лизу завтра на примерку костюмов для выступления. Из записки было ясно, что зовет он обеих девочек одновременно, и Лиза обрадовалась, что увидит подружку на день раньше, чем думала.

– Садись, Лиза, газеты мои подождут, – позвал ее отец. – Продолжим ночной разговор. Мы, оказывается, еще много чего не обсудили. Вот, например, как ты выезжать станешь? Когда я свободен, конечно, я тебя сам провожать буду, но, Лизонька, я же иногда по нескольку дней в Луговом остаюсь. А выезд-то у нас один... Кузьма да Серко. Эх, надо выкроить и тебе как-то на коляску. Я завтра-то уеду как раз, а тебя...

– Папа! Куда мне ездить-то? – перебила его дочь, – Я буду под тебя подлаживаться, когда надо будет, и всё. Или на извозчике. А на завтра можно Нину и ее родителей попросить, чтобы меня подвезли.

– Правильно, сейчас князю отпишу, – встрепенулся Андрей Григорьевич, но воодушевление быстро покинуло Полетаева и он, снова задумавшись, продолжал, – Мы же, Лиза, зиму-то втроем прожили, я еще по осени всех расчи-

тал. Дворник вот только соседский приходит, да по субботам женщина одна в помощь Егоровне – они все зараз перестирают, перемоют, а на неделе так она сама всё. А тебе же теперь девушку, наверно, нанять надобно? Ну, горничную, что ли, по-вашему, по-девичьи.

Егоровна, убирающая со стола и проходившая в этот момент мимо открытой двери, видимо услышала последние слова Полетаева, потому что тут же из кухни раздались звуки нарочито гремящей посуды и нянино громкое бормотание. Лиза вспоминала и узнавала манеру Егоровны доносить свое настроение до домашних, используя подручные средства и минуя слова и объяснения. Она улыбнулась:

– Папа, ну, какая горничная. Я всё сама могу и умею. А если платье на спине застегнуть, то я надеюсь, с этим и Егоровна справится. Никого мне не надо, кроме нее. – Ураган в кухне затих. Лиза переспросила: – Всех-всех рассчитал, папа? И садовника? А то я смотрела в окно, а клумба-то голая.

– Ох, дочка, не до клумбы нынче.

– Тогда можно, я сама этим займусь? И, вообще, папа, я не думаю без дела сидеть. У меня есть право преподавания, мне никакого дополнительного испытания не надо проходить, тем более я с шифром.

– Да ты хоть фрейлиной теперь имеешь право стать! Ты у меня умница!

– Папа! Я серьезно. Фрейлин и без меня хватает – в Смольном. Я хочу и буду тебе помогать. Хоть завтра могу в

какую-нибудь семью устроиться, – Лиза вдруг заметила такую боль в глазах отца, что тут же пожалела о своих словах. Она сразу постаралась смягчить свое предложение, – Ну, папа, или не в семью. А просто раза два в неделю ходить к ученикам? Я никуда не уйду, папа! – она бросилась отцу на шею и он, глядя ее по голове, приговаривал:

– Лиза, не пугай меня. Я ж не совсем нищий, я тебя-то прокормить смогу! Не будешь ты по чужим домам мыкаться, пока я жив. Дома делай, что хочешь! Я тебе денежек наскребу, садовничай на здоровье! – у Лизы щипало в носу и, чтобы отвлечь и себя и папу от опасного разговора, она переменяла тему.

– А куда ты сегодня ездил?

– Да, так, по делам, дочка. Кое-какие документы развозил. Я ж теперь и за курьера, и за бухгалтера. Думал, хоть Митя на лето секретарем у меня станет подрабатывать, да он пропал у нас.

– Как пропал? Когда? Ты вообще давно мне про Кузяевых ничего не рассказал.

Митя Кузяев в детстве был Лизиным рыцарем. Он опекал ее лет с трех, не обращая внимания на дразнилки деревенских пацанов, и везде, где можно, таскал девочку за собой. Сначала взрослые всеми силами пытались пресечь эту непонятную никому из них дружбу маленькой барыньки и рослого не по годам деревенского паренька. Но Лиза пролезала сквозь известные только им двоим дырки в заборе, убега-

ла от зазевавшихся нянек, а однажды, на глазах у всего хозяйственного двора, даже проползла под воротами в «собачий» лаз. Раз за разом оказывалась она на свободе и уходила от усадьбы в село, в лес или на реку под предводительством своего спутника. Постройку шалашей из лапника, копание червяков на берегу Оки, лазанье по деревьям и азы прочих мальчишеских дисциплин прошла Лиза под Митиным руководством. Родители видели, что Лиза возвращалась хоть и в измазанных одежках, с заклеенными подорожником ссадинами, но всегда довольная и с таким количеством вопросов «по природе», что они смирились и решили, что это просто такой вид обучения естествознанию.

Потом Митя поступил в городское начальное училище, но летом они все равно встречались с Лизой и продолжали общение в Луговом. С возрастом Лизу меньше стали отпускать за пределы усадьбы, хотя в округе не было человека, который не знал бы помещицкой дочери и посмел бы ее обидеть или напугать. Просто у нее появилось больше обязанностей в доме и длительней стали уроки музыки, и через заборы она уже не лазила. Елена старалась успеть как можно больше, тем более, что способности дочери позволяли надеяться на весомые результаты, при условии постоянной работы и их развития. Потом Лизу отдали в Институт и за последние несколько лет они с Митей виделись от силы раза три-четыре.

Андрей Григорьевич восстанавливал теперь для Лизы подробности тех событий последних лет, о которых она и так

знала только понаслышке, из его редких рассказов при посещении пансиона. Когда Митя кончил начальное училище, Полетаев стал настаивать на продолжении его обучения. Наталья Гавриловна, полностью признавая преимущества образования и его необходимость в современном обществе, и мысли при этом не хотела допустить о длительной разлуке с единственным оставшимся у нее Митенькой. Сам Митя особых пристрастий не имел, о высшем и не мыслил, а какое специальное образование получать, было для него все едино, больше всего любил он физический труд, и с радостью остался бы в мастерских на тяжелых работах безо всякого образования или стал бы первоклассным кузнецом. Но уважая волю родительницы и мнение Андрея Григорьевича, он полностью согласился с их доводами. Чтобы остаться в городе, Митя поступил, без особого энтузиазма, в Кулибинское училище, хоть как-то связанное с обработкой металлов и с тем, чем он собирался заниматься по жизни, продолжая дело отца и брата. Но училище ремесленное к тому времени уже сливалось с училищем речным, и как раз переквалифицировалось на подготовку судовых механиков.

Вырос Дмитрий юношей работящим и очень хорошо развитым физически. Таская с ранних лет в мастерских всяческие «железки», взяв от отца недюжинный рост, имея узкие бедра и раздавшись в плечах, представлял он картину почти идеального атлетического сложения. В прошлом году произошли сразу два события, качественно повлиявшие

на его отношение к себе, своим способностям и, возможно, перспективам. Первым событием стал приезд в город с гастрольями одного из известнейших «итальянских» цирков. Свою труппу привез с недельными выступлениями Луиджи Фаричелли. По секрету скажем, что итальянскими там были только несколько придуманных фамилий – директора, да парочки цирковых династий, но состав артистов действительно был «с миру по нитке», то есть международным. Апофеозом всех представлений, конечно же, являлся чемпионат по классической борьбе. Дирекция давно знала, что одним из беспроегрышных и привлекающих публику маневров, является вызов из ее рядов какого-нибудь местного силача. Для наживки настоящие атлеты ему поддаются, два-три вечера собирая полные залы, а после, конечно же, уезжают из города непобежденными, положив местного героя на обе лопатки. На этот крючок и клюнул Митя Кузьяев, посетивший цирк Фаричелли на третий день его пребывания в Нижнем.

Митя несколько вечеров подряд выходил на арену. Он побеждал участников чемпионата в поднятии двухпудовой гири, разрывании цепей и сгибании железных прутьев. Непосредственно в атлетической борьбе он обошел почти всех и на равных сразился с самим богатырем Иваном Крайником и действующим чемпионом мира по борьбе и поднятию тяжестей человеком-скалой Георгом Краффом. На воскресный вечер был объявлен решающий поединок за звание чемпи-

она. Опьяненный очередной «победой» и окруженный восторженной толпой вышел Митя на воздух ночного города, когда из публики к нему протиснулся его друг детства, увезенный в свое время родителями в Морской кадетский корпус, Коля Рихтер. Это и было вторым звеном событий в цепочке, ведущей Митю к самому себе. Они обнялись и, кое-как оторвавшись от поклонников, пошли отметить встречу.

Обменявшись восторгами и наскоро поведав события, произошедшие после их расставания, они перешли на душевную беседу хорошо знающих друг друга людей. Будущий мичман вглядывался в знакомое лицо своего друга, как бы собираясь с духом, и, наконец, спросил:

– Скажи, Митя, а что тебе директор цирка обещал за выступления? Или ты из одного энтузиазма ему такие сборы делаешь?

– Да ты что, Николай! Я ж завтра могу чемпионом стать! Мог ли я себе такое еще пару недель назад даже представить, а? Это же слава, почет!

– И деньги. Митя, пойми, там, где публика – там всегда деньги. И не из меркантильных побуждений я тебя допрашиваю, хотя искренне думаю, что любой труд должен оплачиваться. Тем более несправедливым считаю обогащение одного за счет наивности другого. Да, да, я про тебя, мой большой друг. Ты, Митя, иногда, как дитя, право, не обижайся. Я, зная твою восторженность, просто не хочу твоих очередных разочарований. В столице я на такое наглядился и от прия-

телей по спорту наслышался выше крыши. Вот кто тебе, например, сказал, что ты завтра можешь победить?

– Ну, это ты брось! – Митя расплылся в горделивой усмешке. – Я свои силы знаю. И соперников за эти дни «прошупал». Не сильнее они меня, нет! Моя победа будет.

– Кроме приза за чемпионство, может быть, синьор Фаричелли тебе контракт предлагал? – осторожно выпытывал Рихтер.

– Да ну, что ты, какой контракт, не было такого. Да я от маменьки никуда надолго и не поехал бы, ты ж знаешь!

– Ну, вот и давай включай ум, Митя. – Назидательно, как старший, втолковывал ему Николай. – Чемпион мира со всеми регалиями останется здесь, а цирк дальше поедет. И с кем же там вся атлетическая братия за «корону арены» сражаться-то станет, а?

Митя потупился.

– Никто тебе завтра выиграть не даст, никогда еще такого с местными добровольцами не случалось, – назидательно перечислял доводы Рихтер. – Во-первых, полную силу противников ты еще не видел. Во-вторых, завтра они выйдут на манеж, в честь торжественности момента с «подчеркивающим рельеф мышц блеском», то есть натертые маслом. И, в-третьих, умоляю тебя – ничего завтра не ешь, и не пей в городе, особенно в цирке. А то, вместо поединка просидишь ты весь вечер в сортире, а то и еще чего похуже. Веришь мне? Вижу, что не очень, чистая ты душа! Хорошо. Я куплю билет

в первый ряд. Меня никто из гастролирующих цирковых не видел и не знает. Если все пойдет по-твоему, я просто досижу представление как рядовой зритель. А если уж, по-моему, то знай, что у меня с собой будут две бутылки – одна с водой. Если захочешь пить, то только из моей. А вторая с маслом для натирки тела – так ты хоть шансы уравнишь.

– В первый ряд не возьмешь! – попытался охладить приятеля Дмитрий. – Первые три ряда уж давно выкуплены, а завтра так и вовсе аншлаг ожидается!

– Позволь, я озабочусь этим сам? – спокойно парировал Рихтер. – Есть не последней важности такая вещь, как знакомства.

На следующий день все сложилось по словам Николая. Митя увильнул от чересчур настойчивых приглашений отобедать с цирковыми, сославшись на занятость в городе. Он неловко опрокинул себе на брюки, впервые за эти дни предложенную ему директором в кабинете чашечку кофе перед началом представления. И он отказался выпить на брудершафт с Краффом, мотивируя это здоровым образом жизни. Когда уже на арене, прикинувшись дурачком, Митя громко попросил синьора Луиджи «тоже таким красивым блеском натереться», тот с деланным сожалением развел руками и, сославшись на то, что это последний вечер чемпионата, посоветовал, что масло закончилось, а в лавку посылать – так публика же ждать не станет. Тогда местный силач и обратился с прямой просьбой к этой самой публике помочь ему в со-

здавшейся проблеме.

Из первого ряда выскочил какой-то гардемарин и протянул атлету бутылочку с маслом. Публика свистела, хлопала, редела от восторга и от солидарности со своим земляком. Многие делали на него ставки. Директор цирка, видя всё это, открыто возражать побоялся, но, объявив паузу, пригласил Митю за кулисы. Там он предложил ему, наконец, отступного, но Митя плюнул на пол и сказал, что хочет сражаться честно. Тогда синьор Фаричелли впал в истерическое состояние, заламывал руки, падал на колени, рвал на себе волосы и на чистом русском языке умолял не губить его дело, которое должно продолжаться и в других городах, приводя доводы, созвучные вчерашним размышлениям Николая. Потом предложил годовой контракт. Потом предложил оплатить все уже отработанные Митей вечера по высшей цирковой ставке «чемпиона». Потом предложил удвоить ее, если Митя позволит объявить публике, что у него внезапно начался понос, и бороться в этот вечер он не сможет. Ну, хорошо – не понос, а зубы заболели, зубы! Митя снова плюнул, но теперь уже просто в сердцах, не зная как одолеть такое бабское поведение директора.

Митя согласился взять одинарную ставку за уже прошедшие вечера, раз выяснилось, что это была именно «цирковая работа», а не честная борьба. Но за сегодняшний вечер стоял насмерть – никакого вранья и позора, а два настоящих поединка. Директор сдался, чтобы не быть ославленным на

весь мир. Когда они вернулись на арену, зал уже просто стоял от накала страстей. Ставки взлетели неимоверно! Митя с трудом, но положил на лопатки Крайника, а с Краффом, после длительной борьбы, согласился на ничью, потому что их силы оказались действительно равными. По совокупности вечеров, Крафф сохранил свой титул, и цирк благополучно отбыл из Нижнего. Подсчитав выручку от последнего вечера, директор задумался о том, что и в честных поединках есть свой резон – можно озолотиться на одних только процентах от тотализатора. Он дал себе слово подумать об этом на досуге.

А оставшиеся вдвоем друзья праздновали победу. Победа была общей и заслуженной. В этот вечер Николай уговаривал Митю найти другое применение своим физическим силам, кроме как выставляться на потеху праздной публике, вспомнить, что существует такое понятие как физическая культура. Он говорил о существующих в столице и других крупных городах спортивных и гимнастических обществах, в одно из которых он сам вступил уже несколько лет назад, об их стремительном распространении по стране. О том, что неплохо было бы и Мите примкнуть к какой-нибудь организации, и надо поинтересоваться, что в городе есть по силовым видам спорта, потому что сам Николай слышал пока только о велосипедном клубе. Говорили они и об энтузиастах гармоничного развития физического и духовного начал в человеке, о соревнованиях, проводимых по правилам,

одинаковым для всех участников и еще о многих аспектах спортивной жизни. Митя понял, что вот такое общество он хотел бы видеть и у себя среди соратников по училищу. А со временем может быть, чем черт не шутит, и в селе Луговом! Клялся, что теперь он все силы, помимо учебы и любимой работы, будет направлять на то, чтобы отыскать, собрать и организовать вокруг себя единомышленников по физическому культурному развитию.

Коля уехал, но теперь они с другом связь уже не теряли и весь год переписывались. На рождественской открытке от Рихтера была приписка: «В Афинах на Пасху будут проходить первые Олимпийские игры, я откладываю деньги на дорогу. Если сможешь, давай махнем вместе?». Митя загорелся этой идеей и, хотя времени оставалось мало, тоже начал копить на поездку и усиленно тренироваться. Узнав, что на играх он сможет представлять всю страну, скинулись и сплоченные им, хотя ещё и очень немногочисленные на тот момент, члены спортивного кружка. Денег все равно было мало для билетов туда и обратно, но неожиданно ему добавила недостающую сумму родная мать, узнавшая о его чаяниях, заодно избавив Митю от страха, что он не сумеет уговорить ее на свой отъезд за границу. Она его отпустила, благословила, помогла выправить вид на жительство, потому что раньше сын дальше, чем на пятьдесят верст от дома и не уезжал никуда. Митя отбыл в Одессу, где они должны были встретиться с Николаем, ехавшим из Питера, и уже вместе сесть

на пароход, идущий в Константинополь. С тех пор о них не было никаких известий – ни плохих, ни хороших.

– Какие молодцы! – Лиза слушала рассказ о приключениях друга детства как былинное сказание, – На Олимпийские игры, сами! Вот бы оказалось, что они там выиграли, а то что-то неладное получается – один из главных организаторов наш, российский, а соревноваться, вроде как, и некому?

– Так-то оно так, Лизонька, но... – Полетаев смотрел на дочь с сочувствием. – Газеты-то всё сразу отписали – и кто участвовал, и кто победил. Россия там вообще не упоминается.

– Ох, папа! Ты что же думаешь?..

– Нет, нет, Лиза. Я думаю как раз, что все хорошо будет, и мы скоро про него услышим. Просто мало ли что не так пошло, да если еще и на чужбине. Надо ждать и надеяться. Я и Наташе так все время говорю.

– Наташе?

– Наталье Гавриловне. Она всё свечки за него ставит. Но, молодец, плакать себе не позволяет. Держится.

– Я, папа, тоже за Митю молиться стану. Чтобы вернулся. – Тут выражение ее лица приобрело заговорщицкий вид, и она выдала отцу как великую тайну: – А вот секретарь для тебя уже нанят! Владей!

– Кто же, Лизонька? – удивился Полетаев.

– Да я же, папа! – рассмеялась Лиза. – Я ж ученая, да, папа? И арифметику, и физику знаю. А уж почерк у меня!

Переписывать-то я тебе точно смогу. Всё, папа, соглашайся, я помогать тебе хочу. А то – то нельзя, это – «сам могу». И ведь платить мне не надо!

– Лиза, Лиза! – этому предложению Полетаев явно обрадовался. – Ну, загружать тебя я, конечно, не посмею. Но если ты мне с бумагами хоть немного поможешь, то действительно мне гораздо легче станет – очень много времени занимают. Я бы лучше лишний раз в мастерские съездил.

– Вот и спасибо, папа. И еще я тебя спросить хотела, для меня это важно. Ты же знаешь, что мне нельзя делать долгих перерывов, надо все время заниматься музыкой. Что с инструментом можно придумать?

– Ох, Лиза, – Андрей Григорьевич снова потускнел. – Мамин белый рояль перевезти сюда из Лугового не получилось. А вот старый наш рояль жив-здоров. Я залу никому не сдавал, ходи в Большой дом, занимайся на здоровье. А, если чужих людей стесняешься, то помнишь Нойфельд, на который свеча из канделябра упала и крышку опалила? Так вот он, обернись! Его же не выкинули тогда, а только перенесли в людскую, все-таки пианино из маминого приданого. Звук-то у него ого-го! Так что он здесь и стоит, настроить только надо, давно на нем никто не играл.

Лиза сидела за старым пианино в бывшей людской, окна которой выходили на проезжую часть, и ждала возвращения отца. Она трогала клавиши, понимая, что играть на нем по-

ка нельзя, инструмент от времени действительно сильно расстроился. Немного освоившись в новом доме, она запомнила расположение комнат. Прямо из прихожей направо была дверь уборной с умывальником и большой ванной. Следующая за ней в этой стене дверь вела в кухню, самую дальнюю от главного дома комнату, дабы запахи не доходили до апартаментов господ, она занимала весь торец здания. Из прихожей налево поворачивал длинный коридор, который одним краем начинался дверью той самой кухни, а другим концом упирался в запертую наглухо дверь, раньше связывающую подсобные помещения с основным домом. Теперь там жили чужие люди. По сторонам коридора во флигеле располагались комнаты различной величины и назначения. По правую руку было три больших помещения: столовая, папин кабинет, куда переместили и часть библиотеки, а ближе к выходу та комната, что раньше называлась «людской», а сейчас выполняла функцию гостиной. Окна их выходили на проезжую часть тихого переулочка. По левую руку дверей было больше, окна выходили во двор, а сами комнаты были вполуполовину меньше тех, что напротив. Первая при входе была папиной спальней, за ней пустая комната, потом та, что отвели Лизе. Напротив столовой стояли запертыми еще две комнаты. При кухне были кладовка и маленькая комнатка, в ней и жила Егоровна. Кузьма ночевал во флигеле напротив, при конюшне.

Уже смеркалось, и Лиза вглядывалась в каждую редкую

коляску, проезжающую по переулку. Весь сегодняшний день провела она в городе, и ей скорей хотелось поделиться с папой всем, что накопилось за это время. Ведь уже завтра – открытие Выставки.

Утром за ней заехала Нина со своей мамой, и они направились через реку, прямо к новому выставочному городку, потому что Савва решил примерку произвести сразу в павильоне, заодно дав девочкам возможность освоить новое пространство. «Концепция» его заключалась в том, что все номера своего эклектичного представления для публики, Савва придумал связать с жизнью двух рек, стрелка которых и определила выбор места открывающейся Выставки. Бурлацкие напевы, песни, посвященные двум великим русским рекам, поволжские сказания и в завершение – номер с лентами, олицетворяющий в данном контексте, слияние Волги и Оки.

В закрытой от публики части павильона, где находился кабинет Саввы и несколько подсобных комнат, в одной из них были аккуратно разложены детали новых костюмов и ожидали, чтобы подогнуть их точно по девочкам, модистка и две ее помощницы. Платья, мягкие тапочки и плотные чулки для выступления были темно-синего цвета, а новые ленты – ярко голубыми. В завершение примерки, которая длилась более часа, в павильон вошла институтская преподавательница девушек по гимнастике и, под ее аккомпанемент на установленном на импровизированной «сцене» рояле, Нина с Лизой несколько раз прорепетировали знакомое упражнение в

новых уже нарядах. Немногочисленная публика, состоящая, кроме уже упомянутых персон, из уборщицы, секретаря, наводящих последние штрихи в убранстве нескольких рабочих и руководящего ими Борцова, были в восторге и пророчили завтрашний успех выступлению.

Переодевшись в свое, барышни вышли из кабинета, и увидели ожидавшего их Савву Борисовича, который повел первых своих посетителей с обзором экспонатов по всему павильону, к ним присоединились Борцов и княгиня Чиатурия. Огромные паровые машины, занимавшие пространство чуть не до потолка, сверкающие маслом, новенькие, ни разу еще в деле не употребленные, завораживали своими размерами и мощностью. Один из образцов, чуть поменьше ростом, был работающим, и Савва специально для своих нынешних гостей велел привести механизм в действие. Добившись восторгов и широко раскрытых от восхищения глаз, довольный собой Савва перевел экскурсантов в соседнее помещение:

– Лиза, посмотри внимательно. Тебе это будет наиболее интересно!

Больше половины этого зала занимали витрины «Товарищества Полетаева». Под стеклом, снабженные каждый подробным описанием, были разложены традиционные ножницы и ножи – перочинные, столовые и складные; охотничьи кинжалы; морские кортики – матовые, блестящие, с гравировкой и без, с костяными, серебряными или цельнолитыми рукоятками. На тумбах высились кованые сундуки и мелкие

шкатулки, все запертые на всякие замки и замочки, ключи от которых на цепочках висели рядом. Каждый желающий мог попробовать открыть их, но подвох был в том, что каждый запор имел свой секрет, и ни один из них не повторялся. Продолжали эту вереницу экспонатов хирургические, акушерские и прочие медицинские инструменты: скальпели, пинцеты, мелкие щипчики и устрашающего размера огромные щипцы. Завершала экспозицию совсем небольшая витрина с кронциркулями, измерителями и циркулями, похожими на изящных балерин.

– Почему только Лизе? – восхитилась Нина. – Это нам всем интересно! Лиза, это всё – твой папа?

– Ну, почему только папа? Много людей свой труд вкладывают, пока мы вот такую красоту увидеть сможем. Кто придумывает, кто сам руками умеет. Кто-то кует, кто-то вырезает, кто-то гравировывает, кто-то все это перевозит, а кто-то документы оформляет. Потому, наверно, и называется «товарищество». Савва Борисович тоже ко всему этому непосредственное отношение имеет – он и в правлении, и вот дал возможность выставиться в своем павильоне! – и тут Лиза не удержалась, – Я, Нина, тоже теперь буду, пусть маленькую, но свою лепту вносить. Я к папе в секретари напросилась, стану ему с бумагами помогать.

– Лиза, какая ты молодец! Самая первая из нас себе дело нашла. Ну, ты этим всегда славилась, поздравляю тебя с началом трудовой деятельности!

– Секретарем? К отцу? Лиза, не уезжайте, если сможете пока. – Савва как будто вспомнил что-то внезапно и теперь издалека подавал призывные знаки своему секретарю. – Этери Луарсабовна, вы же никуда не спешите? Часик-полтора всего могли бы подождать? Я давно тут про одну вещь думал! А теперь все складывается, только за ней послать надо.

– Мы до вечера свободны, Савва Борисович, только дела свои здесь вроде завершили, может быть, в другой раз? Я еще хотела с девочками погулять где-нибудь в парках.

– Вот и замечательно! Вот и погуляйте по Выставке, пока такая возможность есть, и народ не набежал. Лёва! Покажи нашим гостям что возможно, ты же тут всех знаешь, – И он пошел к выходу из зала, на ходу отдавая указания подбежавшему секретарю срочно ехать к нему домой и привезти какого-то Ундервуда.

– Лев Александрович, я предпочла бы посидеть в тени, и обождать нашего отъезда под крышей. – Мать Нины не была настроена к осмотру павильонов. – Можно ли попросить чаю?

– Я сейчас распоряжусь, княгиня. В кабинете Саввы Борисовича Вам будет удобно? – приняв на себя «по наследству» хозяйские обязанности самовольничал Лева.

– Да, конечно, вполне. Я прошу Вас принять заботу о девочках, я полностью Вам доверяю, Лев Александрович.

– Прошу вас, медам. – Лева, назначенный развлекать ба-

рышень, сделал приглашающий жест к выходу. – Лиза, я, кажется, смогу сразу выполнить и второе, данное Вам обещание!

– А что, было и первое? У вас уже есть общие секреты? – хитро прищурилась Нина.

– Никаких секретов, Ниночка, – взгляд Лизы говорил совершенно об обратном, она заговорщицки косилась в сторону Борцова. – Кстати, я Вас еще не поблагодарила за книгу, Лев Александрович. Большое спасибо, мне очень понравилось! Нина, а второе обещание тесно связано с первым, и касается одного литературного персонажа, всего лишь!

Все-таки при Лёве Лиза незаметно для себя начинала слегка кокетничать.

Борцов повел их к художественному павильону. На входе, узнав архитектора, его со спутницами пропустили внутрь, и, войдя, они сразу уловили в атмосфере некую нервозность, возможно происходящую от суеты, предшествующей любому открытию или премьере. Лев Александрович по пути рассказывал девушкам предысторию возникновения и создания двух картин, предназначение которых было не только творческим, но и утилитарным – они призваны были прикрывать большие пустующие пространства под потолком, чем и объяснялись их гигантские размеры и необычная форма. Разъясняя сложность задачи художника в подчинении изображения заданному пространству, Лева указал рукой на полукруглое завершение торцевой стены, где недавно еще бы-

ло натянуто панно, и сам замер в немом недоумении. Оно было пустым. Он огляделся, желая получить разгадку этакой метаморфозе, и заметил сидящего на табурете посреди полутемного зала человека, обхватившего голову руками и явно страдающего. Они подошли к нему, тот поднял глаза:

– Лёва, Лёва! Всё прахом! – Это был личный помощник Саввы Мамонтова, по заказу которого и создавались упомянутые полотна. – Михаил Александрович как узнал – уехал из города, а Савва Иванович свирепствует, не отошел еще.

– Что случилось-то, Володя? – спросил Борцов. – Ты толком-то скажи!

– Комиссия. Забраковала, – страдал Левин знакомец. – Повторная. В последний момент! Сказали «нехудожественно» и «недоделано». Велели снять. Но все вокруг говорят, что это потому, что свежестью красок и новизной они затмили развешенные внизу экспонаты. Да уж теперь всё равно!

– О, господи! – Лева понимал, каково сейчас было что создателю, что вдохновителю. – Расстроились оба сильно?

– По Михаилу Александровичу не поймешь, он всеми мыслями сейчас в предстоящей женитьбе. А Савва Иванович говорит «Не позволю!» и уже распорядился еще один павильон закладывать, у входа, но фактически за территорией Выставки. Специально под них! Под полотна! Вот скатываем в срочном порядке.

– Уже оба убрали? – расстроился Лева. – Жалко, а я вот барышням обещался показать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.